

Александрос Бурджанадзе Валида Анастасовна Будакиду Теметерон. Понтиада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42309045

ISBN 9785449661159

Аннотация

Слово «эмиграция» не имеет национальности и не подвластно времени. Трагикомический рассказ о судьбе целой семьи из СССР и главной героини – некрасивой девочке – наследнице тайных знаний Византийской империи, нашедшей способ стать счастливой в Греции, девочке, усилиями которой была открыта кафедра Понтийского Эллинизма в Салоникском университете имени Аристотеля.

Содержание

Вступительное слово	6
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	61
Глава 3	94
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Теметерон Понтиада

Валида Анастасовна
Будакиду

Александрос Бурджанадзе

Технологии древних цивилизаций по обработке камня, перемещению огромных объектов и сооружению колоссальных построек, намного превосходят современные. Как доказывают артефакты – люди вовсе не тысячу, а сотни тысяч лет назад обладали более совершенными, можно сказать уникальными технологиями, которые на данный момент считаются утерянными. Мачу-Пикчу, Куско, Мегалиты Монрепо в Выборге, Баальбек – вот только не большая часть знаменитых мегалитовых построек, разбросанных по всему земному шару. Общепринятые примитивные теории происхождения мира давно себя дискредитировали, и научный мир задаётся вопросом: кем были созданы эти мегалиты на самом деле?

В наше беспокойное время особенно важно решиться и наконец рассказать всему миру правду

о жителях Понда – предках великих Гиперборейцев, по воле Богов эмигрировавших и расселившихся по всем материкам, чтоб донести людям Свет Знаний, полученный ими от Олимпийских Богов.

А, слово «эмиграция» не подвластно времени. Книга «Теметерон» это трагикомический рассказ о судьбе семьи из СССР и главной героини – некрасивой девочке – наследнице тайных знаний Византийской Империи, нашедшей способ стать счастливой в Греции, девочке, усилиями которой была основана кафедра Понтийского Эллинизма в Салоникском университете им. Аристотеля и обнаружена тайна допотопного Понда – колыбели культуры планеты Земля.

Дизайнер обложки Евгений Валерьянович Булаш

Редактор Инга Абгарова

Фотограф Отари Бурджанадзе

© Валида Анастасовна Будакиду, 2019

© Александрос Бурджанадзе, 2019

© Евгений Валерьянович Булаш, дизайн обложки, 2019

© Отари Бурджанадзе, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-6115-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово Читателю от писателя

Когда я была маленькой, всегда думала, от чего так много пишут врачи? Прямо повальное увлечение! Я поняла это совсем недавно: врачу, особенно хирургу, очень много времени приходится работать, молча, а потом, если и высказывать, то совсем не то, что хотел. Именно поэтому врачи реализуют свои желания на бумаге, и становятся писателями. Вот и меня, врача, челюстно-лицевого хирурга не минула чаша сия.

Как давно вам приходилось общаться с абсолютно счастливым человеком?

Абсолютно счастливым от того, что каждый день восходит новое солнце, что ничего не болит, счастливым даже от вида огромных оранжевых тыкв, которые сосед приволок из деревни и вывалил горкой в аккурат под балконом. Теперь эта красота из золота с терракотой собрала огромное количество бездомных котов, страстно желающих оповестить квартал о своих свадебных мероприятиях.

Душевный покой и радость каждого дня подсовывают уйма умных мыслей, кои я и спешу записать. Очень приятное ощущение, когда в голове мысли роятся, подталкивают друг друга.

Говорят, если спишь с чистой совестью, видишь вещице

сны. Мой вещий сон сбылся: стала знаменитой. Ко мне уже четыре раза на улице приставали чужие собаки! Шучу, конечно.

По нашему переезду Греция очень впечатлила меня своей непредсказуемой парадоксальностью, в которой всё отражалось, словно в кривых зеркалах из Комнаты Смеха. Чего только стоило обнаруженное нами «месимери»! Месимери – это когда греки всех возрастов в два часа дня с серьёзными лицами переодеваются в ночные пижамки, наглухо задраивают ставни и сладко спят в кроватках, как в ползунковой группе детского сада. Тех, кто спать отказывается, ходит по улицам и громко разговаривает... увозят в полицию.

Под впечатлением подобных эксцессов государственного масштаба я насобирала множество рассказов и в 2000 году издала книгу под названием «Улыбка с прикусом Эллады». «Прикус» – это не «привкус» в смысле послевкусие – ванильное там, клубничное, «прикус» – это линия смыкания зубов, слово, подчеркнувшее в моей книге, как мощно способны сомкнуться челюсти неповоротливого государственного аппарата Греции на таллии вновь прибывшего репатрианта или эмигранта.

Далее в моём творчестве были небольшие повести, рассказы, смешные и не очень, вышедшие отдельными изданиями. Однако, в определённый момент жизни любой писатель вырастает из коротких штанишек и понимает: пришло время сказать нечто большее.

Тетралогия (квадрология) мейнстрим «Город под звёздами» – психологический триллер, записанный из уст ребёнка-инвалида, родители которого категорически не желают признавать существующие проблемы, обвиняя его в нерадивости. В этих четырёх повестях косвенно затрагивается и тема «обрусения» населения в «братских республиках», таких как Грузия, Азербайджан, что приводило к страшным последствиям, ломало судьбы людей, особенно женщин, не желающих больше соблюдать дремучие национальные традиции. Детские психологические травмы, как известно, приводят к необратимым последствиям.

В повести «Буковый лес» каждый читатель видит кусочек своей жизни. Для одного «Буковый лес» – рассказ о неразделенной, но огромной любви; для другого – энциклопедические факты, облечённые в художественную форму, для третьего – напоминание о принятом в 1942 году «Окончательном решении еврейского вопроса», о подвиге советских солдат в годы Второй Мировой войны, потому что в переводе на немецкий название «Буковый лес» звучит как «Бухенвальд». Повествование о жизни главной героини Линды начинается с социалистической Грузии, плавно перетекает в Грецию и заканчивается в Германии.

Теме Второй Мировой войны я уделяю не меньшее внимание, чем теме эмиграции. Повесть «Когда цвели подсолнухи» об оккупации Салоник и депортации евреев в лагерь смерти Аушвиц написана мной после изучения огромного

количества документов и посещения мемориалов. Мне было необходимо прочувствовать боль и страх заключённых за колючую проволоку узников, насколько в наше время это представляется возможным.

Но всё же лейтмотивом моего творчества, как человека неоднократно менявшего страны проживания, конечно, является тема эмиграции и возникающие после неё социальные проблемы.

Последней моей работой является повесть «ТЕМЕТЕРОН», что в переводе с понтийского языка (понтийский – один из языков, принадлежащий греческой языковой группе) [см. аннотации в конце книги 1*.] означает «рождённые от одной матери». По этой повести мною написан сценарий для полнометражного игрового фильма.

«ТЕМЕТЕРОН» – рассказ дилогия о понтийской семье, переехавшей в Грецию после печально знаменитых событий в Тбилиси 9 апреля 1989. Повествование начинается с момента провозглашения лозунга «Грузия для грузин» и перетекает в годы знаменитого «долгового кризиса» Греции, начавшегося в 2010 году. Описываемый временной промежуток – около тридцати лет.

Повествование в дилогии ведётся от первого лица, и напоминает дневник главной героини Афродиты – некрасивой девочки, названной в честь античной богини Любви. Мною специально взята семья из шести человек, чтоб, описывая судьбу каждого, можно было шире раскрыть проблемы эми-

грации и становления личности в новой, чужой стране. Оговорюсь, что я считаю чужими все страны, кроме той, где ты родился.

Первая часть книги начинается словами: «Родителям нашим живым и усопшим посвящаем» – и это на самом деле так.

Само слово «родители» имеет два основных значения. Первое – общий термин для обозначения отца и матери; второе – «родители – ближайшие родственники человека, составляющие основу его семьи». Повторюсь, что «Теметерон» в переводе с понтийского языка звучит как «рождённые от единой матери» или «единоутробные». В моём понимании, понтийцы – одна большая семья, одна большая группа людей, связанная общим генофондом, и, как каждая семья, каждая человеческая группа нуждаются в руководителе, несущем полную ответственность перед собой, обществом, Господом Богом за всё плохое и хорошее, что члены его семьи совершают. Мы – счастливая нация, у теметерон этот Родитель есть, есть человек, обладающий глубокой, холодной мудростью, полностью лишённой всякого рода иллюзий, взявший на себя в столь смутные времена бразды правления целым народом.

Я как писатель безмерно благодарна судьбе за встречу с ним.

Что в моей жизни изменилось после знакомства? Всё! Изменилось всё и во мне и вокруг, дни стали ярче, ночи темнее.

«...Трезвая, почти сухая, но столь чёткая манера выражаться, и твёрдый, но при этом великодушный стиль поведения дали мне ясное представление о силе власти этого человека, одно мановение руки которого станет приказом для самой отдалённой деревни. Человек, могущий сплотить население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде...»

Мои настоящие родители умерли почти одновременно с разницей всего в четыре месяца, но я хочу поблагодарить Господа нашего за то, что не чувствую себя сиротой, за то, что у меня есть сильный, смелый, умный Отец, Брат и Учитель. «Скоро те, кто не родились понтийцами будут нам завидовать!» – Сказал он на открытии кафедры Понтийских Исследований в Салоникском Государственном университете имени Аристотеля. Я абсолютно согласна – непременно будут! И наш язык больше никто не посмеет назвать «мёртвым диалектом», и имя сына Геи – Земли, четвёртого титана «Понд», наконец, войдёт в официальную античную историю.

Кафедра в Государственном университете, музей, стадионы – всё для нас, для возрождения величия нашей нации, для сохранения истории Понда. А мы?! Что мы готовы сделать для этого человека? Мы, с нашей стороны должны, просто обязаны присягнуть на верность, заверив его в нашей поддержке и бесконечной благодарности за любовь и заботу. Я, как преданная ученица и примерная воспитанница хочу посвятить человеку-эпохе – Ивану Игнатьевичу Саввиди свою

книгу, повесть об огромном материке Понд.

Тень бессменного Хранителя Знаний проходит через всё повествование моей повести «ТЕМЕТЕРОН», как символ мудрости, просвещения, терпения и благородства. Конечно, образ в повести собирательный, художественный, но посвящён именно ему.

Повесть «Теметерон» – огромная часть моей души и ничтожно малая часть моей любви и преклонения перед ним.

Я совершенно сознательно избежала острой «национализации» и поляризации повести, чтоб каждый читатель нашёл в ней ноты, созвучные музыке его души. У эмиграции нет лица, она одинаково страшна для всех. Уверена – моя книга станет понятна любому читателю, вне зависимости от национальной принадлежности, любому, кто хоть раз в жизни задумывался над значением слова «Родина».

Таков небольшой отчёт о моём творчестве.

Иногда у меня спрашивают о моих «фишках» при написании. Фишек нет, но грехи водятся. К примеру, я иногда использую «запрещённые» приёмы повторения. Читатель, обнаружив в начале и в конце книги продублированные фразы, может приписать сей факт моей забывчивости. Это не совсем так. «Приёмчиком» я пользуюсь, скорее для читателя, чтобы заострить его внимание на словах или теме, которые считаю наиболее важными.

Стиль повести «Теметерон» немного похож на черепич-

ную кровлю, в ней текст не течёт гладко, а периодически возвращает читателя обратно.

Одним из моих самых больших грехов является невнимательное отношение к русской грамматике. Но это вовсе не от незнания, тут немного другое. Надо рассказать, как я пишу вместе со своим соавтором и кто он, чтоб пролить свет на свои деяния.

Александрос Бурджанадзе – молодой, талантливый художник, студент факультета прикладного искусства Салоникинского университета имени Аристотеля. И... мой сын. До поступления в университет он окончил Театрально-Художественную школу и все двенадцать лет по театральному мастерству получал высшие двадцать баллов. Когда я подавалась в литературу, он был совсем маленьким. Но я почему-то считала, что он всё понимает и самые удачные отрывки зачитывала ему вслух. Позже Александрос стал изображать всех действующих лиц (как-никак двадцать баллов по актёрскому мастерству!), и мне это показалось очень забавным. Особенно, когда в диалогах Алекс для пушшего правдоподобия делал вдох в середине слова: это выглядело очень свежо и потрясающе. Но бумага не может передать интонации так, как хотели бы мы с Александросом. Вот и пришлось вводить новшества в русскую грамматику в виде восклицательных знаков в середине слов или написания дефисов там, где нет необходимости, за что прошу прощения. Назовём такой стиль «на-

ходкой режиссёра». Уж пусть простят меня словесники и литераторы, и я обещаю – когда они придумают приёмы для правильной передачи настроения и интонаций героев книги, я всенепременно этими приёмами воспользуюсь.

Со временем Александрос превратился в моего соавтора. Мы стали обсуждать всевозможные повороты сюжетов, выбирать наиболее предсказуемые, а потом, в процессе написания, снова всё меняли.

Александрос как профессиональный художник стал рисовать сюжетную линию на листах бумаги. В кинематографе есть такая функция, и называется она «раскадровка». Каждый кадр даётся отдельной картинкой. Книжная раскадровка помогла мне избежать ошибок в параллельных сюжетных линиях, упростила написание диалогов, дала полную картину внешности героев.

И вот еще что самое важное в нашей совместной работе: я – репатриантка, родившаяся далеко от Греции. Во мне, безусловно, нет такого яркого ощущения Греции, как своей родины, где каждый листик шепчет о счастливом детстве. Я, понятное дело, могу ошибаться в названиях, терминах. Александрос – истинный грек, вычитывает написанное, и тогда наша книга пропитывается искренностью и настоящим греческим колоритом.

Поэтому все, что связано с терминологией и тем самым колоритом я доверяю исключительно своему сыну и Электре Филиппиду – переводчику, которая не просто хорошо зна-

кома с автором, но и смотрит с ним «в одну сторону». Особенности оборотов речи, смысловой перевод – всё это требует полного растворения в исходном тексте и тотального понимания его.

Вот как-то так.

Мои книги – это самые светлые воспоминания, но воспоминания не только мои, но ещё и ваши.

С безграничным уважением к Читателю

Валида Будакиду

(Фрида Хофманн)

Александрос Бурджанадзе

Часть первая

Глава 1

Мой белый город

– Ну вот, – только потеплело, сразу повывлезали из своих квартир, как улитки на солнце, сидят без дела, языками чешут. Нет, чтоб книгу почитать, делом каким заняться. Так и будут сидеть, пока не стемнеет. Даже телевизор не смотрят. Такие убогие, прямо я не знаю... обокравшие сами себя.

Это мама. Моя собственная и единственная. У меня никогда не было другой и поэтому, всё, что она делает, как говорит для меня просто обычный образ жизни. Такой же, как застеклённый балкон с облупившейся на раме краской, как «моя» комната, которую я честно делю с младшей сестрой Элладкой, хотя в шестнадцать лет хотелось бы уже иметь свою собственную комнату. Говорят, у многих моих одноклассниц есть своя комната, если они не врут, конечно. Но, лично я её, то есть, свою комнату вовсе не хочу и не хочу её не потому, что её у меня никогда не было, и, скорее всего, не будет, а потому, что мама мне объяснила ещё очень, очень-очень давно:

– У нас «твоя-моя» нету, у нас всё «наше»!

Именно от присутствия в моей жизни этого «наше» я никогда не могу найти на месте то, что положила. Нет, мне совсем не жалко, если Элладка берёт огрызок моего чёрного карандаша для бровей, однако, она им пользуется совсем не по назначению, просто рисует в тетрадах всякую ерунду, от него же и так мало чего осталось! Так ведь ничего не скажешь! Слава Богу, Элладка сама не знает, что он для бровей, портит его только, так ведь секрет предназначения карандаша открыть невозможно. Если она узнает и расскажет маме, будет катастрофа по многим причинам. Две самые важные из них: первая – чтоб лишний раз не услышать про «твоё-моё», которого «у нас нет», и вторая, гораздо страшнее первой по тяжести и не в пример весомей:

– Что это ещё за «карандаш для бровей»?!

Потом придётся выслушать от мамы беседу о французских «кокотках» из «домов терпимости», рисующих себе на лице румянец кусками бурака, ибо их бледность, обусловленная «ненормальным образом жизни» распугивает «клиентов».

– А ты почитай, почитай «Яму» Куприна, – строго будет выговаривать мама, – там написано, как живут «уличные» в таких заведениях.

Моя мама – учительница. Она считает, что я – «её наказание», так сказать, «львиная доля её болезни», поэтому, чтоб хоть что-то то во мне исправить и починить, до уровня «не стыдно перед людьми», она при каждом удобном случае

заводит со мной душеспасительные беседы, и не всегда мамы доводы остаются словами, не подкрепленными физическими внушениями.

Ещё минут двадцать придётся выслушивать об образе жизни неких «уличных», рыскающих по «тёмным улицам Парижа», хотя Куприн и не писал о Париже; минут десять непосредственно о самом «Париже» – опасном и страшном «городе контрастов» и уже в самом, самом конце – о страшном изобретении человечества «карандаше для бровей» – радости этих самых безбровых, бледных ночных парижанок.

Далее последует основная часть воспитательной беседы: придётся объяснять, «где именно» я «его взяла», у «какой именно подруги из класса», потому что у «девочек – школьниц из приличных семей не может быть таких кокеточьих карандашей». Потом надо будет рассказать, куда «именно» я этот карандаш себе «мажу» и самое главное, «зачем»!?

– Зачем ты себя уродуешь?! – О-о, кажется, у мамы сегодня нет уроков в школе и тетрадей для проверки, – что молчишь?! Зачем ты себя уродуешь, я тебя спрашиваю?! Ты же знаешь, ты – самый красивый ребёнок во дворе! И всегда была самым красивым ребёнком!

Всевышний... Я когда-нибудь просто подвинусь рассудком... Ну, невозможно всё время, когда тебя ругают, слышать про «самого красивого ребёнка во дворе». А если ещё принять во внимание, что я вешу почти на тридцать килограмм больше своих сверстниц и со двора, и в школе, то-

гда, пожалуй, да, пожалуй, на самом деле «самый красивый». Но маму упоминанием о лишних килограммах не смутишь, не смутишь её даже точным их количеством, ибо мама считает, что в девочке главное «не это», в девочке важна «скромность», «мягкость» и, конечно же, «целомудрие». Точнее, слово «целомудрие» в этом списке надо поставить на первое место. Само слово «целомудрие» мне видится большой, оранжевой тыквой, подпрыгивающей на деревянной телеге, запряжённой чахлой лошадкой; целой тыквы с бороздками, как меридианы. А ещё я, кроме вышперечисленного, должна быть «блестящей», «гордостью школы», и являть собой «пример для младших братьев и сестры». По сути, я столько всего «должна», что мне кажется, будто это должна уже не я, а кто-то другой, мне вовсе и незнакомый.

Да-да-да, у меня ещё, кроме младшей сестры, есть два брата – Александрос и Арис. Александроса уменьшительно называют просто «Саша», хотя, когда ему выбирали имя, подразумевалось одно из имён Александра Македонского, а я думаю, что всё совсем не так, и вообще – когда хочу брата разозлить, называю просто «Сосиска». Он в семье самый-самый маленький. Арис по старшинству после меня. На самом деле, «Арис» – сокращённое имя, а зовут его «Аристотель». Аристотеля придумал папа в честь знаменитого греческого философа, хотя я бы брата лучше назвала Янис в честь дедушки, но меня, как обычно, никто и не спрашивает. Хотя нет! Вру. Когда он должен был родиться, деда посадил меня

к себе на колени и, щекоча мне белой мягкой бородой толстые щёки, ласково спросил:

– Кого бы ты хотела, братика или сестричку?

Я чуть было не сказала дедушке всю правду, дескать, вообще бы никого не хотела, мне и самой одной с ним неплохо, а так придётся делиться с каким-то «братико-сестричкой», то укакивающейся, то уписывающейся, но тогда бы дедушка расстроился и подумал, что я эгоистка. А я вовсе не эгоистка, я просто не хочу никому деду отдавать – ни «братикам», ни «сестричкам», ни съезду КПСС, ни добрым феям и волшебникам. Мой дедушка принадлежит только мне! Он сам для меня и добрая фея, и волшебник, и может быть даже съезд КПСС в одном лице. Меня тупо поставили перед фактом, когда мама уже не помещалась в довольно просторной кухне, и просто спросили, о ком же я, как выяснилось, «мечтаю»?

– Деда, – я, сидя на его коленях, болтаю ногами в воздухе и никуда не тороплюсь, – я бы скорее хотела... хотела братика... и чтоб назвать его, как тебя – Янис, или можно по-русски Иван. Тоже красивое имя, правда? Оно всегда красивое.

Деда тогда обнял меня ещё сильнее, прижал к себе. Так мы и сидели с ним, обнявшись, я старалась дышать вместе с ним не быстро, не медленно, лишь бы вместе с ним. Тут пришла мама. Она окинула нас холодным взглядом и криво бросила:

– Ой! Давно не виделись! – Сказала мама нараспев

и уплыла со своим животом в другую комнату. Если бы это была не моя мама, и я бы не знала, как она нас любит, я бы подумала, что чужая женщина зло смеётся над нами.

Через месяц родился мальчик. Его назвали «Аристотель». Папа сказал так лучше для ребёнка, и он вырастет философом. Когда Аристотель немного подрос, и мама стала с коляской выходить во двор, соседи шушукались, но улыбались и быстро запомнили имя.

– А как ещё греки должны назвать своего сына?! – Смеялись они.

Как, как? Ну, да, конечно: дочь – Афродита, сын – Аристотель... Забавно, однако. Особенно забавно сейчас, когда мы выросли, и нас снизу, со двора дети зовут играть.

– Аристотэли! Аристотэли!

«Дворняги» – называет их мама.

– Аристотэли! Аристотэли, цамо пехбутри витамашот!
(«пошли играть в футбол». груз.)

При звуках своего имени брат морщится, и молча захлопывает окно.

Вскоре Аристотель объявил нам, что отныне его зовут «Арис».

Мама ничего не сказала, только удивлённо вздёрнула брови. Мама Аристотеля обожает, никогда не ругает и всегда с ним соглашается. Зато папа сильно расстроился:

– Я дал тебе имя величайшего ума человечества! – Сказал он. В минуты особых психологических всплесков папа

всегда переходит на патетику, – Дал имя величайшего ума человечества, а, ты отказываешься от него!

И было непонятно, что именно презрел Аристотель своим дерзким поступком, от чего отказался, то ли от своего имени, то ли от «величайшего ума», а может даже замахнулся на всё человечество.

Папа любит говорить загадками.

– Я готов отказаться от всего, что мешает мне жить! – Философски, вполне достойно своему великому предку заметил Аристотель, и скрылся в комнате, заперев её на задвижку.

Да, в отличие от нас с Элладкой у Аристотеля есть своя комната, потому что «он – мальчик», то есть, «мужчина в доме», так объясняет нам присутствие частной собственности у младшего брата мама.

– А вы – де-е-евочки! – Продолжает она, очень ясно очерчивая вертикаль власти нашей семьи, сцепленную с половой принадлежностью младшего поколения, – и этим всё сказано. Вопросы будут?

– Откуда?... – Вяло соглашаюсь я, отвечая вопросом на вопрос.

Сестру назвали «Элладой» в честь целой Древней Греции. Вот это да! Носить в себе целые моря, храмовые комплексы с мирным и военным населением, а также стадионы, школы и чего ещё у них там было, одним словом, вмещать в себе целую страну – сложно. Наверное, поэтому, чтоб как-то

сгладить тяжкий гнёт былых поколений, Элладка теперь развлекает себя, как может. Он способна часами сидеть перед зеркалом, расчёсывать огромным гребнем волосы и делать с ними всякие штуки, ещё давить на носу прыщи и, если никого нет дома, рисовать маминой оранжевой помадой себе румянец.

Самый младший брат, который Александрос, как объясняет мама, «родился случайно». Мама думала, что заболела и у неё внутри «блуждающая почка», во всяком случае, она так и говорила всем, что у неё «внутри всё дрожит» и страшные отёки, потому что «блуждающая почка». Когда, наконец, они с папой решили пойти к врачу, ибо самостоятельному лечению «почка» уже не подлежала, а ноги мамы распухли так, что не влезали ни в одни туфли кроме папиных, то вернулись обратно через несколько дней со свёртком, перетянутым голубой ленточкой и противно пахнущим содержимым. В тот же день на семейном совете нас троих поставили перед фактом существования «ещё одного братика», именно так с тех пор стало называться краснолицее, тоскливое существо, не дававшее никому покоя ни днём, ни ночью. Я уверена – существу дали имя «Александрос» в честь всех Александров, живших на Земле, ибо оно так орало, что тут одним Македонским было никак не обойтись.

Меня вообще ухитрились назвать «Афродита». Мама сказала, Афродита – древнегреческое имя. Зачем и чего оно мне?! И вообще, зачем мне всё это?! Разве не было у древ-

них греков других имён?! Вон Мери из моего класса, она же тоже гречанка и имя у неё нормальное греческое. «Имери» как произносят его наши греки, оно означает «день», светлое и красивое имя, как и сама Мери. Я её называю «Мерка», но она не обижается, ей наоборот смешно. Мери моя лучшая и единственная подруга. Я много раз просила маму поменять мне имя и назвать как-нибудь попримечней, но мама категорически отказывается это делать. Она любит всё необычное, всё не как у всех и гордится этим. Иногда мне кажется, будто мама специально там, где много людей, громко кричит:

– Афродита! Афродита! Иди скорее сюда! – Даже если я ей сто лет не нужна, она кричит только, чтоб привлечь к нам внимание людей. Тогда точно все начинают вертеть головой и искать, что же это такое собирается приобрести мадам с таким громким голосом у лоточницы? Неужто «Афродита» – новое ватное мороженное в бумажной обёртке?

Я сжимаюсь в комок. Сжимаюсь и внутренне и внешне, сейчас все-все вокруг увидят, что на самом деле нет никакой лоточницы, и мама ничего не собирается покупать, она просто призывает меня к себе. Ещё секунда – и все вокруг увидят, кому принадлежит это «древнегреческое имя». А принадлежит оно мне – лохматой, невысокой девочке в мамином пальто. Не в спортивной курточке, как у всех моих ровесниц, которые если даже и в пальто, то хотя бы в своём. Я в старом, сером мамином пальто с искусственным воротником «под каракуль». Это очень грустное зрелище. Конечно, как гово-

рится, гораздо важнее твой внутренний мир и все эти ужимки с каблучками и сарафанами просто смешны, если в голове твоей пусто, но, тем не менее... И ещё: я толстая. Я очень толстая, толще всех девочек и мальчиков во дворе в два раза. Меня дразнят и надо мной смеются. Сейчас, после маминых истошных воплей в пустоту:

– Афродита! Афродита! – Все вокруг будут на меня смотреть, показывать пальцем и смеяться. Потом они будут толкать друг друга, тех, кто меня не заметил, толкать соседей, дескать, «глянь, что делается». Потом кивать на меня, и снова смеяться, теперь вместе с соседом. Самые деликатные пытаются делать это незаметно, и когда я смотрю на них, отворачиваются, но такими условностями редко кто заморачивается, обычно ржут в открытую.

Мне очень жутко, до слёз больно и обидно. Я не хочу быть толстой, не хочу это имя, я его просто ненавижу! Ладно, пусть я толстая, тут уж ничего не поделаешь, как говорит мама, потому что я – «крупный ребёнок», но имя... имя-то можно изменить!? Я хочу быть просто Машей, Таней, Кетино, Лианой – всем чем угодно – Рыбой, Асфальтом, Пихтой – лишь бы никто не оборачивался и не искал меня взглядом.

– Что ты хочешь, я не понимаю?! – Взрывается в таких случаях мама, – почему тебе не нравится, когда на тебя смотрят? У тебя очень красивое и редкое имя, ты сама красивая, яркая девочка, люди любят тебя, улыбаются, смеются. Ты радоваться должна, а ты злишься и сутулишься. Ну-ка,

не сутулься! Не сутулься, я тебе сказала, и волосы со лба убери!

Всё-таки и Аристотелю с «величайшим умом» и Элладке, несмотря на тяжёлые мраморные глыбы в каждой букве имени, повезло гораздо больше, чем мне. Александросу вообще лучше всех.

– Нет, ты только посмотри, посмотри на них! – Мама продолжает кивать в распахнутое рядом с газовой плитой кухонное окно. Она половником, называемым ею «разливательная ложка», помешивает обед в огромной кастрюле, и часто-часто выглядывает во двор.

А весна нынче в Тбилиси выдалась знатная! Только конец февраля, но от земли к небу поднимается тёплое, влажное её дыханье.

Весна в Тбилиси самая красивая на планете. Город похож на прекрасную принцессу, свежую, как роса и нежную, как водяная лилия. Томно раскинувшись на белоснежных простынях высокого ложа, кокетка купается в первых лучах восходящего солнца, прикрыв длинными ресницами глаза. Она то сомлеет и оголит безукоризненной белизны атласные плечи, то, вдруг прячась от лёгкого дуновения ветерка, по-кошачьи вздрогнет и вновь поспешно укутается в покрывало лебяжьего пуха.

Хоть зимы у нас и не очень холодные, но всё равно на улицах почти нет прохожих, а редких смельчаков, решивших прогуляться, дождь со снегом загоняют в кафешки или мага-

зины. В кафешках белого мрамора знаменитых вод Лагидзе льют в гранёные стаканы сироп из подвешенных на штатив треугольных банок, очень похожих на огромные прозрачные фунтики для развесных конфет из гастронома. Сиропа похожи на радугу: шоколадный, сливочный, лимонный, тархун. Льют чего хочешь, и сколько хочешь. Можно даже заказать смешанный лимонад тархун и лимон прямо в один стакан.

В галантерейных магазинах полы паркетные, и чтоб лакированный узор покупатели не портили мокрой обувью, его посыпают деревянными опилками и чистят соляжкой.

Я очень люблю запах соляжки, он напоминает мне, что скоро придёт Новый год. Тогда деда принесёт в верёвочной сетке оранжевые, как солнце, апельсины, и весь дом наполнится запахом хвои и ванильного печенья.

Но больше всего в своём городе я обожаю фуникулёр и телевышку высоко-высоко на горе. Когда я была совсем, ну вообще маленькая, гора с парком и колесом обозрения была наша с дедом тайной.

– Постой, давай заглянем в одно место, – мы сворачиваем с проспекта Руставели от Дома Офицеров налево и поднимаемся на несколько метров вверх по узенькой улице со смешными домами, у которых деревянные, винтовые лестницы разного цвета снаружи от подъездов, а вовсе не внутри. Мы останавливаемся около полуподвальной книжной лавки с очень старыми и потёртыми книгами. Хозяин, чтоб привлечь покупателей вынес прилавок прямо на тротуар и те-

перь сидит рядом со своим товаром, держа в шершавых пальцах давно погасшую папиросу. Деда здоровается с букинистом, спрашивает о его делах и, с удовольствием перелистывая хрупкие, как тонкий лёд, страницы, всматривается в чёрно – белые, похожие на гравюры, рисунки. Деда словно ищет что то, но ничего не найдя, разочарованно кладёт книжку на прежнее место.

– Посмотри, что отсюда как на ладони, – вдруг оживляется он, – видишь, много красных огней на горе? Это фуникулёр! Туда поднимаются по канатной дороге. Помнишь, на Зéмеля такая станция со стеклянными перегородками? Вот оттуда и поднимаются кабинки прямо в воздух. Мы – то с тобой всегда ездим на машине, а у кого машины нет? Кабинки поднимаются высоко-высоко. Плывёшь над всей землёй, над деревьями. Разве Тбилиси – не волшебный город?

Это наша «канатка», это наш фуникулёр!

Два зимних месяца пролетают быстро. Зимой ведь много дел. То надо готовиться к празднику «23 февраля» – Дню Советской Армии и Военно-Морского флота, то к «8 Марта» – Международному Женскому дню. Интересно, а другие народы знают, что тётя Роза Люксембург один день в году подарила женщинам? В Гваделупе, например, точно знают. А ещё, у греков весной есть свой праздник, но о нём всем рассказывать нельзя, его знают и празднуют только греки. Это очень интересно, тайна делает праздник особенным, ещё особенней, чем Новый год, и зовётся он «День Освобожде-

ния Греции». Мери мне сказала, именно 25 марта 1821 года началось «восстание греческого народа, которое положило начало освобождению Греции от четырех векового османского владычества». Мы в школе по истории проходили про татаро – монгольское иго и про то, как Русь платила игу этому дань, а про Грецию в школе нам рассказывали только про античную, как будто Греция с античности началась и в современную Грецию перепрыгнула. Ах, да, ещё говорили, во времена Второй Мировой войны греки боролись против фашистов. И всё. Построили Акрополь и воевали с фашистами. Я знаю, почему так. У нас в СССР не принято отмечать праздники капиталистических держав, даже если это и война за освобождение. Вот была бы Греция, как Болгария или Польша социалистической, тогда можно было отметить какой-нибудь «День Братской Болгарии и воина Алёши». Хоть Болгария и воевала на стороне фашистов, сейчас-то она одумалась и, в отличие от Греции – социалистическая, вроде как на «нашей» стороне. Греция же наоборот – воевала против фашистов, но не одумалась, социалистической стать не захотела, буржуи там мучают рабочих; она – член НАТО, и это, по мнению Министерства Образования и нашего Горсовета, её отрицательное качество. Мой папа – член Партии Большевиков. Хотя он и грек, страна оказала ему высокое доверие, и приняла в Партию. Если на папиной работе узнают, как на самом деле он относится к Греции, в смысле, если узнают, что Греция ему нравится, его из Партии могут исключить,

даже несмотря на то, что есть военные фильмы о греческих коммунистах и греческом подполье. И из партии могут исключить и с «работы снять». Греция отказалась идти путём Ильича, отказалась, как СССР строить коммунизм, в этом её грубейшая ошибка и этим всё сказано. А так была бы сейчас нашей шестнадцатой союзной республикой, кому от этого плохо? Поэтому, лучше никому о праздновании «Дня Освобождения» не рассказывать, отмечать тихо и про себя. Только «тихо» всё равно не получается, все готовятся заранее, суетятся и самое главное, устраивают как будто «свадьбу». То есть, просто так наряжают «жениха» и «невесту», сажают их за накрытый стол в самой глубине банкетного зала или ресторана, а все остальные, кто пришёл, типа «приглашённые на свадьбу гости». Если придут из КГБ и спросят: «Что тут у вас происходит?», мы ответим: «Свадьба! Разве вы не видите?!» И всё будет нормально. Да уже сто раз так делали, и всегда всё было нормально. Вот и в прошлом году, и в позапрошлом. И в поза-поза... ах, нет... тогда Сашка был очень маленьким, и мы не ходили. Ну, вот, ко Дню Освобождения Греции все готовятся, шьют новые платья, в магазинах то ничего приличного не купишь, тем более, на меня. Мне заказывают одежду у портних, потому что из готовой магазинной ничего не лезет, а другие заказывают, чтоб было красиво. У портнихи тётки Пиники столько заказов, прямо с ума сойти, и надо записываться за несколько месяцев вперёд.

Так холода и зима за всеми праздниками незаметно и про-

бегают.

Первыми в Тбилиси всегда зацветают абрикосы. Мы живём не в самом центре города, поэтому их у нас во дворе целая куча. Меньше, чем виноградных беседок, но тоже много. Считается, абрикосы цветут белым, но это не так. Лепестки прикрепляются к веточке розовым стебельком, поэтому и сами цветы кажутся розовыми, и стоит у нас полный двор таких розовых деревьев. Чуть позже зацветает вишня. Её тоже много. Она цветёт бело – зелёным. В июле, когда веточки усыпают бордовые шарики, по деревьям рассаживаются дети и едят шарики прямо со стебелька, и никто их за это не ругает. Кому ругать то? Вишни в каждом дворе общие!

Май – пахнет розами и адреналином, май – это школьные экзамены.

Даже не знаю, люблю я май или нет. Наверное, напололам. Не люблю за повинность учить «экзаменационные билеты», вспоминать давно забытый, пройденный или вовсе не прочитанный школьный материал, чего-то зубрить, писать мелким почерком шпаргалки на огрызках бумажек и думать, думать не о самой теме, а о том, как потом эту шпаргалку на свет вытащить, чтоб с экзамена не выставили? Зато люблю май за прощание со школой на целое лето, за море цветов, за сотни роз, колокольчиков, лилий, сирени. Это очень красивые, перемешанные букеты, они все пахнут, и от них кружится голова. Последний Звонок, торжественная школьная линейка, девчонки с белыми огромными бантами в волосах, маль-

чишки прямо такие расфуфыренные в пиджаках и галстуках, как женихи. Всё это заканчивается и... лето!

Моё любимое и совершенно замечательное лето!

Летом мы всей семьёй ездим в нашу деревню в горы. У всех людей есть своя деревня. Все живут в городе, но в города они приезжают потом. Вначале в деревнях рождаются их родители, деды и все остальные, они сами и едут в город, как будто в городах нет родильных домов. Ну, не знаю, тут я, наверное, путаю. Так вот, наша деревня называется «Орама». Она так высоко в горах, что солнце не успевает вечером закатиться, как следует, а надо уже обратно на небо выкатываться! Наша деревня, конечно, самая красивая в мире и стоит на четырёх родниках, а один родник бьёт прямо в середине церкви. В церковь тоже ходить нехорошо. В Тбилиси вообще нельзя, там пионеры и комсомольцы – активисты следят за порядком, и если тебя поймают в церкви, опозорят перед всей школьной линейкой и поведут к директору, а здесь, в деревне, никто не видит, или не обращает на нас внимания специально. В церкви постоянно сидят чьи-то бабушки, дедушки сидят снаружи в тени. Когда солнце перекачивается и тень уходит, дедушки пересаживаются под другую стену. Раньше, когда я была маленькая, в Орама не успевал кто-то приехать, как к нему сразу бежали гости, те, что приехали даже вещи распаковывать не успевали, это так интересно было всем смотреть, кто как вырос, и у кого появи-

лись усы или сиси. Многие родители тогда оставляли детей бабушкам и дедушкам и снова возвращались в город, но зато дети оставались в деревне аж до самой осени. Если в деревне праздник, родители снова приезжали на несколько дней обратно. Тогда все деревенские собирались вместе, украшали ворота дворов цветами, девчонки плели веночки и надевали их себе на голову. Ах! Какими мы сами себе казались красивыми! Мальчишки вообще ничего не умеют, они просто дразнились и бегали быстрее обычного. Музыканты играли на меил (музыкальный инструмент), все пели и танцевали наши греческие танцы. Мне больше всего нравилось, когда бил даул. Его звук напоминает стук в унисон моего и деды сердец, когда я садилась к нему на колени – дум-дум-дум...

Но в этом году всё будет не так, всё, с самой зимы и теперь уж до конца. Это мой последний школьный год. В этом году я получу бумажку со страшным названием «Аттестат зрелости», свидетельствующую о моей «зрелости» и пригодности для поступления в Тбилисский Государственный университет. «Другой дороги в твоей жизни нет!» – Так сказала мама. – Говорят, при поступлении огромный конкурс.

– Ты должна работать, работать и работать над собой, – это тоже говорит мама, случайно или специально перефразировав высказывание великого Ленина, который завещал «учиться, учиться и учиться». Мама считает, то Ленин чего-то не договорил или сам недопонял. Мама вообще любит всё менять, как сама хочет. Наверное, сказала «рабо-

тать» специально, чтоб мне было страшней. А страшнее быть не может, мне и так давно страшно. Тбилисский Государственный университет похож на гигантского дракона с огромной пастью, который проглатывает самых лучших, молодых и красивых юношей и девушек, засасывая их в свою глотку, похожую на высокие, массивные двери. И там они исчезают, эти юноши и девушки, и в деревню к себе они, конечно же, не возвращаются. Не вернусь туда и я, потому, как буду отдана на съедение дракону под названием «вступительные экзамены». Да и чего в Ораму ехать то? Все мои ровесники и друзья тоже выросли. Теперь вообще мало кто летом ездит в нашу деревню. Деда – папин папа после смерти бабушки жил несколько лет один в деревенском доме и смотрел за хозяйством, но и он уже давно переселился к нам. Приехал однажды погостить, и папа уговорил его остаться. До сих пор удивляюсь, как папе удалось его убедить? Хотя... Боюсь казаться самонадеянной, но может быть, деда не уехал из-за меня?

Деда очень скучает по деревне. Очень. Первое время вообще не хотел входить в квартиру, сидел во дворе допоздна. Потом начал мастерить, строить, сажать, поставил высоченную беседку и «пустил» на неё виноград. Деда каждую весну аккуратно подрезает тонкие, ненужные веточки, делает винограду «прививки», и тогда на одной лозе вылезают сразу два сорта винограда, и гроздья висят совсем разного цвета; приносит черенки, сажает их и опрыскивает потом ярко-би-

рюзовым медным купоросом. Купорос очень, очень красивого цвета, глаз оторвать невозможно, но потом деда его портит, добавляет туда мел, и купорос из бирюзового становится противным.

Мысли о лете и предстоящих экзаменах портят моё каждодневное существование, не дают покоя. Я живу в ожидании чего-то тяжёлого и неприятного.

– Такие убогие, прямо я не знаю... Даже телевизор не смотрят! – Голос мамы возвращает меня из Орамы и виноградников обратно на кухню с газовой плитой и булькающей кастрюлей.

– А как им смотреть, если света опять нет? – Я не хотела ввязываться в разговор. Мои беседы с мамой редко не заканчиваются скандалом.

– А тебе какое дело?! – Она перестаёт мешать обед и резко оборачивается ко мне, – не тебя спрашивают и не с тобой разговаривают! – В голосе мамы я слышу радость. Она очень хочет с кем-нибудь поболтать. Мама общительная.

– А кого спрашивают? – Ну всё, раз ввязалась, теперь держись, – дома же никого нет, кроме меня, – надо попытаться хотя бы увести разговор в нейтральное русло, – кстати, а где Арис? – Я делаю движение, будто хочу заглянуть в комнату, – у него же уроки давно закончились. У нас самих последних двух уроков не было, а он ещё раньше со школы ушёл

– Укоротись, знаешь! – Мамина рука в кастрюле замирает. Кажется мне «повезло». Это надолго.

– Тебе какое дело? – Мама так быстро умеет входить в раж, просто позавидовать можно – что ты меня всё время клюёшь и клюёшь?! При чём здесь Аристотель?! Ты за собой смотри. Я вот посмотрю на твои успехи в школе. Ты не забыла, что завтра вторник, папа снова придёт в школу и выпишет все твои оценки! Сейчас ты у нас на повестке дня! Ты в выпускном классе, а не твой брат! Если твой аттестат будет – тьфу, – мама с видимым удовольствием плюёт на пол, – не видать тебе университета как своих ушей!

Ах, эти «чёрные вторники», когда папа на самом деле приходит в школу, берёт школьный журнал и выписывает все мои оценки за неделю, и беседует с учителями, которые на меня «жалуются». Я живу от вторника до вторника, от прихода папы в школу до следующего его прихода.

Была не была! Раз мама всё равно завелась, мне терять нечего:

– Я толстая и меня с любыми оценками не возьмут ни в театральный, ни на журналистику.

Мама, абсолютно потеряв интерес к плите, поворачивается ко мне всем корпусом. Она упирает руки в боки, ноги на ширину плеч.

– Ах, какая потеря! И, слава Богу, что тебя не возьмут! То же мне – нашла специальность – журналистка и уличная! А, точнее, уличная журналистка. Даже знакомым стыдно сказать, – мама переходит на писк, как бы разговаривая с невидимыми знакомыми, интересующимися моей особой, – зна-

ете, моя дочка будет журналисткой, вечно из дома уходящей и болтающейся неизвестно где и неизвестно с кем. Или ещё лучше, вы знаете – моя дочка артистка! Это же уму непостижимо! Я, конечно, сразу умру, дети маленькие по твоей вине останутся сиротами, зато ты живи, живи дальше как живёшь – тебя вообще никуда не возьмут. Ах, нет, – мама делает паузу, словно задумавшись, – в ПТУ тебя возьмут. Станешь швеёй – мотористкой на второсортной фабрике, одним словом, останешься за бортом и будешь улицы убирать. А-а-ах! Как хорошо, что мы с отцом в другой школе работаем, а то ведь каждый день, каждый Божий день все бы смеялись нам в лицо!

Нет, это выслушивать в очередной раз невозможно. Вот заняться всем вокруг нечем, кроме как «смеяться ей с папой в лицо». Надо побыстрее уматывать отсюда, пока не начались слёзы, крики и прочие составные наших с мамой душевных бесед.

– Мне пора уходить, – я не вру, мне на самом деле пора. Проскальзываю к шкафу, чтоб переодеться.

– А куда это ты собралась? У тебя всё в порядке, что ты уходишь?

– Нельзя не пойти! – Мой голос предательски дрожит, – у нас от школы комсомольское задание – собрать как можно больше макулатуры всем классом.

– Не смей кричать на мать, – мама не находит, что ответить, но с «криком» она вообще невпопад.

– Да когда я кричала? Не кричала я... Всё, мам, я пошла? – Сдерживаюсь из последних сил.

– Иди сюда, покажись! Афродита, я сказала, покажись!
Вхожу «показаться».

Я в широких спортивных штанах и школьном форменном платье поверх штанов, на ногах кеды. Свои светлые длинные волосы собрала в причёску «конский хвост» на самой макушке. Внизу делать «хвост» нельзя, мама не разрешает, можно только на макушке.

Мама пристально меня рассматривает. Мне холодно под её взглядом и грустно.

– Повернись, сзади посмотрю. Тебя же нельзя не проверить. Ты своим поведением привлекаешь к себе внимание и в любой момент готова нас опозорить.

– Да я и так привлекаю внимание, без всякого своего поведения.

– Конечно! Ты – видная девочка, тебе все завидуют.

Как мама умеет напустить в голос металл? Титан... не пробьёшь, не объяснишь.

– Ладно, чёрт с тобой, иди, собирай макулатуру, потом поговорим, – осмотр окончен, к выходу из дому я допущена...

– Но смотри, я тебя предупреждаю – если ты в течение недели хоть одну «четвёрку» в школе получишь, ни на какое «Двадцать Пятое марта» ты не пойдёшь. Все пойдут, а ты не пойдёшь.

– Мама! – Я в шоке, – нельзя говорить вслух «Двадцать

Пятое марта», ты же сама запретила! Надо говорить «свадьба»! Ну что за человек?! Сама нам запрещает, и сама же делает!

– Ты прекрасно поняла, что я имею в виду! Хочешь «свадьба» назови, хочешь «слёт юных Василис!» Вообще, надоели вы мне все со своей конспирацией. Хотите «День Освобождения Греции» отмечать, ну отмечайте. Что вы заумные вещи придумываете!?

– Так помнишь, рассказывали, один раз даже милиция приехала! Тогда хотели попробовать День Освобождения отметить открыто, как настоящие греки во всём мире делают, а всех разогнали, помнишь? Милиция же сказала, что Греция – капиталистическая страна, вражеская, поэтому никакие капиталистические праздники отмечать в СССР нельзя. В этом году снова будет «свадьба». Интересно, кто будет «женихом»? Позапрошлогодний жених по-настоящему женился, теперь ищут нового, а «невеста»...

Ох! Сказала и сама испугалась. Мне лучше было уходить сразу, как мама отпустила, зачем я это слово вслух произнесла?!

Мама тут же ухватывается за тему:

– Невеста?! Ищут невесту? Надеюсь, не ты ею будешь?! А то у тебя только одна мысль в голове крутится – как поскорее замуж убраться.

– Ну, мама!

– Что «мама»!? Ты мне не «нукай»! А то...

По квартире стелется едкий запах горелого обеда. Мама со стоном бросается к плите. Она сдёргивает с огня кастрюлю, из которой валит сизый дым. Мама мечется, не знает, куда кастрюлю приткнуть, наконец, бросает её в раковину и открывает кран. Мне маму жалко и самой смешно. Вот уж точно: опять я всё испортила.

– Из-за тебя мы сегодня остались без ужина...

Что она там вдогонку ещё кричит?! Ключи, поскорее ключи, в подъезд и на улицу.

Наш двор обычный, городской с баскетбольной площадкой посередине. Это просто так называется «баскетбольная», на ней стоят две вышки со щитками, на них когда-то были сетки, а играют там кто во что хочет, и в футбол, и в волейбол, а когда мальчишек нет, девчонки рисуют «классики». Слева от площадки, между металлической сеткой и виноградной беседкой вбит в землю деревянный стол. Он прямоугольный и не крашенный, похож на кусочек вырезанного пола из чьей-то квартиры. По периметру стола длинные, дощатые лавки. На них с утра и допоздна сидят женщины в чёрно-коричнево-серой одежде. Я ненавижу эти страшные цвета, я люблю красный, жёлтый, оранжевый. Почему наши соседки всегда в мрачном? Перед ними насыпано горками лоббио, так по-грузински называется фасоль, и соседки все вместе его перебирают. Это такой ритуал. Одна выносит и начинает ковырять семена, к ней подсаживается вторая, потом третья. Они могут на самом деле так просидеть до темно-

ты, сходят домой, поставят это лобио вариться часа на два и снова выходят. Мама никогда во двор не выходит и с ними не сидит. Да и лобио мы не варим.

Де-да! А, вон мой деда стоит на стремянке, расставив ноги, с секатором в руках и обрезает виноград. Виноград капает, как дождик идёт. Точно – точно: опоздали обрезать, сокдвижение в стеблях началось. Ранняя в этом году весна.

Надо торжественно пройти мимо тёток. Они оборачиваются ко мне, словно принимают парад.

– Гамарджобат, калбатонебо! (Здравствуйте, дамы! груз.) – Лучше на их родном языке, мне без разницы, а им приятно.

– Гамарджоба, швило! (Здравствуй, детка! груз.)

– Деда! Дедулечка, привет! – Подхожу к лестнице вплотную. Да, что же я так ору, он же может поскользнуться и упасть.

– О! Моя красавица. Ты куда?

Только из дедыных уст слово «красавица» не слышится, как издевка. Да! Я для него на самом деле самая красивая и такой буду всегда.

– В школу, у нас комсомольское мероприятие.

– В школу... в школу это хорошо... Учиться всегда хорошо...

У деды сильный акцент. Он если даже сильно старается, всё равно произносит не «рыба», а «риба», не «лошадь», а «лошад», но я от этого люблю его ещё больше.

– Деда, я побежала, а? Уже и так опаздываю. Вечером увидимся.

– Беги, пулим, беги. (птичка, понт.)

Мой дорогой, мой любимый и, ни с кем несравнимый, де-душка...

До школы совсем недалеко. Точнее, есть две дороги – одна по большой улице, одна через дворы по дырявому асфальту.

Хорошо, что моё и у младших расписания уроков не совпадают. Арис тот вообще отказывается ходить со мной по улицам, а с Элладкой, когда она училась со мной в одну смену, мама заставляла меня ходить в школу вместе, дома ждать, пока она изволит расчесаться, после уроков, пока побеседует со своими подружками, поэтому я всё время везде опаздывала. Элладка помешана на своей нереальной красоте и неповторимости. И может делать причёску целый час. У неё длинные, прямые волосы, и она может целыми сутками сидеть перед зеркалом с массажной щёткой, а у меня волосы только до плеч. Мама не разрешает мне волосы отпускать. Говорит: «хожу за тобой по квартире и волосы твои подбираю, подбираю. И я устаю и у тебя надо, чтоб шея была открытая.» У меня тоже раньше были волосы, как у Элладки, но мама отвела меня в парикмахерскую, и парикмахерша вся в синих тенях аж до бровей и кондукторской помаде, затянув на моей шее петлю из простыни, ещё раз для верности переспросила у мамы:

– Так «под мальчишку»?

– Конечно! И как можно короче!

Тогда у меня на голове и остался только вяленький ёжик тусклых волос, который я всё же смогла в выпускном классе отвоевать и превратить в «каре».

Теперь мы с Элладкой в школе в разных сменах, и хожу я в школу, когда как. Если хочется думать о чём-нибудь и идти одной, то по дырявой дорожке, а если встретиться с одноклассниками и поболтать, то по большой. На перекрёстке, где я выхожу со двора есть газетный киоск, там продаются не только газеты, но ещё папиросы и журналы. Около киоска можно постоять и подождать попутчика, даже совсем необязательно из моего класса, если вовсе из другого, всё равно можно идти вместе. А самая большая удача, это если к киоску подойдёт Мери. Мама её когда-то давно преподавала в школе с моей мамой, то есть мама «знает эту семью», поэтому Мери иногда можно даже приходиться к нам в гости. У Мери есть старший брат Дионис, но он серьёзный и сильно много из себя строит, иногда вообще не здоровается. Мери очень умная, она всё знает, но кроме того, что умная, она самая красивая девочка не только во всём Греческом Обществе, а во всей нашей школе. Когда она просто идёт по улице, на неё водители троллейбусов оборачиваются, и один раз из-за этого у троллейбуса соскочили рога. Искры сыпались, как салют. Но ей всё равно. Она знает, что самая красивая, и ей неинтересно это выслушивать. У них в семье все красивые,

и мама, и папа и даже вредный Дионис. Для них быть красивыми, как дышать. Мери не считает свою красоту чем – то особенным, поэтому ей всё равно красивая я или нет, она дружит со мной просто так, просто потому, что ей нравится. На физкультуре, если мы бежим наперегонки, она даже иногда делает вид, что я её обогнала. Мальчишки при ней боятся меня дразнить, она ведь может им «устроить проблемы». Интересно, наверное, быть красивым! Скорее всего, Мери в жизни добьётся всего, и университет закончит на красный диплом, и работа у неё будет престижная, и будет она счастливая и богатая. Но сегодня мне не стоит её ждать около газетного киоска, она, скорее всего, уже давно в школе, это я опаздываю. Мне надо бежать, а если не бежать, то хотя бы идти как можно скорее. Если бежать, то проезжающие мимо машины будут сигналить, только совсем не потому, почему сигналият Мери, а потому, что водители оборачиваются на меня и смеются.

А вот и моя школа. Прямо под продолговатым балконом из пионерской комнаты вывесили красный плакат, написанный мною зубной пастой ещё на той неделе: «СДАДИМ МАКУЛАТУРУ КАК ВТОРСЫРЬЁ!» Я не знаю, что такое «вторсырьё», но «макулатура» – это бумаги, газеты, старые книги. Говорят их снова перерабатывают в чистую бумагу, из которой потом делают новые книги. Значит «вторсырьё» – это книги.

О-о-о, уже даже «линейка» закончилась. Ну всё... Сейчас

мне завуч по воспитательной части Лилия Шалвовна устроит нагоняй. Она стоит около огромных гастрономических весов, на которых в продуктовом взвешивают мешки, и что-то записывает в свою тетрадь. Сейчас начнётся:

– А-а-а... Лазариди... всю жизнь, как королева, последняя приходит. Вот это вчера собрали младшие классы, и мне очень интересно: сколько соберёте сегодня вы? Конечно, с такими работниками, как ты...

И понесётся...

В школьном дворе возвышаются две огромные кучи бумаг. Чего в них только нет! И старые газеты, перетянутые крест на крест верёвками, и изрядно потрёпанные журналы с вырезанными картинками, и старые книги. Говорят даже, в прошлом году один из шестого класса, пока родителей не было дома, притащил с друзьями в школу всю Большую Советскую Энциклопедию. Разразился грандиозный скандал, приходили его родители, но Лилия Шалвовна сказала, что грузовик все книги увёз, а моя мама дома говорила папе, что учителя нашей школы «к себе домой всё и забрали».

– Здравсьти, Лиль Шална! – Надо быстро поздороваться и быстро пройти дальше строевым шагом.

– А-а-а... Лазариди!

Интересно, где она берёт такие туфли с железными пряжками и квадратными каблуками? Такие были в мультфильме «Кот в сапогах» у этого кота, когда он стал «маркизом Карабасом». Синяя юбка ниже колен, кофта с, вязаным крючком

белым воротничком. Лилия Шалвовна – завуч всех завучей.

– Извините, Лиль Шалвовна, я задержалась...

– Ничего, что опоздала! – От же зараза! Это мой одноклассник Алик Еланский втискивается в беседу. Вот уж кого не спрашивают, так это его! – Не страшно, что опоздала! – Еланский с прищуром смотрит на меня, – важно, что жиртрест вообще пришёл, правда, Лиль Шална? Пришёл и теперь больше всех книг соберёт!

Откуда эту дрянь принесло?! Ну вот, теперь все вокруг ржут.

– Дурак недоделанный, чтоб ты сдох!

– Лазариди! Так ты ещё и нецензурно выражаешься?!

Интересно: Лилия Шалвовна всегда слышит только меня, то есть, до этого Еланского она не слышала?

– Я... – пытаюсь хоть что-то сказать в своё оправдание.

– Всё, всё, беседа закончена!

Мери сзади хватает меня за ляжку от школьного фартука. Когда она подошла? Я даже не заметила.

Как можно так выглядеть всегда? Утром, днём, вечером, на уроках, при сборе макулатуры? Точёная фигурка, шикарные волосы, чистое, без единого изъяна лицо. Вот Еланский и заткнулся. Да, пожалуй, очень интересно быть красивой.

Мери, пока Лилия Шалвовна не смотрит, тащит меня вглубь двора с таким таинственным видом, будто накопала там клад.

– Ну, что ты на всех обращаешь внимание?! Я её тут жду-

жду, она пришла и с недоумком лясы точит.

– Да не точу я...

– Постой, не отвлекайся, скажи лучше, где бумагу для макулатуры брать будем? У тебя есть идея?

– Идея?! У меня?! Нет, конечно!

– Почему «конечно»!? Когда ты уже самостоятельно научишься думать?!

– Я всегда думаю.

– Я вижу! Всё, тогда слушай, у меня есть план. Мы сейчас пойдём с тобой вместе в паспортный стол, потому что мне надо сдать заявление и разные там бумажки для получения паспорта, я вот и документы все нужные с собой взяла, а там, в милиции, есть вход ещё и со двора. Во дворе сарай. В нём валяется куча всяких бумаг, я сама однажды видела. Сарай старый, на фиг никому не нужный, и его никто не охраняет. Мы возьмём эти бумаги, принесём в школу и сдадим в макулатуру. Наш класс займёт первое место и получит Переходящий Вымпел, и ещё нас похвалят на линейке. Ну как?

– Как всегда – супер!

– Лазариди! Топузис!

– Мама дорогая, она идёт сюда! – Хватаю Мерку за руку и стараюсь повернуть её вокруг оси в сторону приближающейся к нам быстрым шагом Лилии Шалвовны.

– Сделай сосредоточенный вид, – Мерка не собирается сдаваться просто так.

– Лазариди! Топузис! – Пряжки на туфлях встают ды-

на стене давно в печёнках сидит.

Лилия Шалвовна молчит в замешательстве. Тяжёлый выбор. То ли звонить моей маме и доставить себе удовольствие сейчас, то ли принести мне в пионерскую комнату два рулона красного ситца с плакатными перьями и получить удовольствие потом, вывесив эту растяжку на фасад школы на обозрение всей улицы.

Пока Лиля Шалвовна в замешательстве
– Побежали! – Кричит Мери и хватает меня за руку. Мы пересекаем школьный двор по диагонали, несёмся к выходу.

На самом деле, какой ясный выдался день!

Скоро, уже очень скоро в парке Муштайд из депо выбежит паровозик. Есть там такая детская железная дорога. На ней работают только дети, и паровоз водят дети, и билеты продают тоже дети. Очень красивая, даже красивей настоящей. Для меня весна – это когда в Муштайде заканчивают перекрашивать свежей краской лавочки, и на газонах зацветают тюльпаны.

Мы идём мимо входа в парк, мимо зоопарка, дальше надо повернуть по мостовой и немного подняться вверх. На нас все смотрят, я вижу это краем глаза. Ещё бы! Все сейчас хотели бы со мной поменяться местами и идти рядом с Меркой вместо меня. Но Мерка не видит никого, мы говорим о своих делах, о паспорте, о школе, размахиваем руками, бежим, останавливаемся, снова бежим. Хорошо, что мама меня сей-

час не видит, а то бы она очень в Мери разочаровалась за такое вольное поведение.

– Что это за беготня с места в карьер?! – Возмутилась бы она, – прямо как сумасшедшие, ну я не знаю... и потом: руками не говори! – Мама всегда мне делает замечание, если я рассказываю и руки у меня не по швам. Надо по швам, в карманы тоже нельзя,

– Ты что, вор-рецидивист? – Говорит мне мама, если я забываю и засовываю такие руки в карманы, – в карманах держат руки блатные рецидивисты и спину сутулят.

Я не уверена, отличает ли мама простого вора от «рецидивиста», лично я – нет.

– И не торопись! – Мама никогда не отпустит просто так, не высказав всё, – рассказывай по порядку, правильно выговаривая слова. Что ты шепелявишь? Повторяй за мной медленно и чисто: «Собака съела сено».

Я медленно повторяю за мамой, тщательно выговаривая слова, и очень хочу, мечтаю, просто сплю и вижу, как сдохнет когда-нибудь эта самая собака от съеденного ею сена.

– Мерка! Постой! Нам тут переходить, – подруга моя совсем забылась, мы чуть мимо не прошли, – вон туда за угол, за угол надо поворачивать, там и милиция и паспортный стол.

Мы останавливаемся, собираясь перебежать на противоположную сторону. Машин не так уж много, тут по брусчатке они не разгоняются. А это что? Коричневая «копейка» даже

не делает вид, что проезжает. Она остановилась прямо в метре от нас, и страшный водитель с трёх дневной небритостью лезет через переднее сиденье к нам в приспущенное окно.

– Девочки!

Что за манера приставать к людям на улице?! Хотя, может он дорогу хочет спросить?

– Девочки! Вы куда собрались? Может вас подвезти?

Ан, нет! Эта небритость хорошо знает дорогу. Это он к нам «пристаёт».

В нашем городе так «принято». Если девочки идут по улице «просто так», то есть, не быстро-быстро перебирая ногами, а «гуляют», то к ним всегда «пристают».

«Приставать» можно по всякому. Можно пройти и задеть плечом, можно подойти и спросить: «Который час?», или «Как пройти в библиотеку?». Если девочка ответит хоть одно слово, любое слово, то можно продолжить «приставать» дальше, волочиться за ней по улице до самого дома; можно начать хватать за руки. А как же?! Она же ответила! Не хотела бы разговаривать, сделала бы вид, что не заметила. И неважно, красивая ты, как Мери, или некрасивая, как я, для мужчин важен сам процесс. Поэтому ходить по улицам надо или с братом, или с родственниками, что само по себе отвратительно.

Небритый водитель продолжает говорить, недвусмысленно показывая на сиденья внутри своих «Жигулей». Он дурачится, как клоун, и посылает нам воздушные поцелуи. Да че-

го «нам»? Мерке он их посылает, а не «нам».

– Не обращай внимания! – Одёргиваю подругу, но подруга предательски хихикает и так демонстративно отворачивается от «Жигулей», что дураку понятно: «Хи-хи! Я всё равно тебя вижу!»

Чуть не сиганув под карету «Скорой помощи», тащу Мери на противоположную сторону. Однако, какое хамство! Этот тип, проехав вперёд десять метров, прямо посреди улицы разворачивает машину и едет обратно, а подруга всё хихикает.

Заскакиваем в переулок, и прямо перед носом возникает чёрный стеклянный квадрат с золотыми печатными буквами: «Пункт милиции №14 Тбилисское РОВД Грузинская СССР», и чуть ниже табличка менее помпезная: «Паспортный стол. Часы приёма 8:00 до 15:00 и 16:00 до 21:00». Рывком открываю двустворчатую дверь, вталкиваю туда Мери, вваливаюсь сама.

Почему во всех государственных учреждениях пахнет одинаково – сыростью и страхом? Даже вот мама водила меня с собой в Горсовет в отдел образования, там, вроде тоже не поликлиника, не сберкасса, а пахнет папоротниками.

Тоска и печаль.

Пустой коридор паспортного стола, вокруг ни души. На серой стене в рамке за стеклом плакат о пропавших людях. Как их отличить друг от друга, когда они на этих чёрно-белых художествах все на одно лицо? Рядом ещё один

плакат с «разыскиваемыми преступниками». Эти дауны тоже на одно лицо. Такое чувство, если поменять местами тех и других, подмены никто не заметит. Как милиция их отличает? Деревянный стол весь погрызен и покусан с образцами заполнения бланков и болтающейся на пеньковой верёвке шариковой ручке. Садись, заполняй, становись полноправным членом общества!

Мери стучит в приоткрытую дверь. Хороший признак – значит, там явно кто-то есть, и паспортный стол работает.

– Можно?

– Захады!

Мерка змейкой проскальзывает внутрь. Я врываюсь за ней.

До чего интересные у нас паспортистки, напоминающие официанток из рабочей столовой. Одна помладше, худее, в оптических очках, очень серая и невзрачная сидит за узким столом и с остервенением лупасит по клавишам печатной машинки. Она вообще не заметила посетителей, в смысле нас. Самая важная сидит под большим портретом Ленина за столом полным бумаг и смешной промокашки из папье – маше. Она не первой свежести, но с претензией на шик, в платье с большими кровавыми колокольчиками, из которого торчат обнажённые до локтя полные руки в золотых кольцах на толстых пальцах, ярко оранжевая помада на губах – куриной гузке, высокая взбитая причёска, волосы крашенные в цвет крепкого раствора перманганата калия. В углу книжный шкаф, забитый под завязку пыльными папками. На ок-

нах паспортного стола металлические решётки.

– Если за паспорт пришол, там на стол лежит анкета, заполняй его два раза одинакови, принэси суда.

Мы с Меркой не дуры и сразу понимаем – надо в коридоре заполнить анкеты по два раза, согласно предложенному образцу и передать их женщине с оранжевой помадой.

Как начальница паспортного стола ухитряется смотреть непонятно на кого, на меня, или на Мери? Долго училась, наверное...

– Одну и ту же анкету заполнить два раза? То есть в двух экземплярах? – Подруга всё же решила уточнить некоторые аспекты.

– Да! Потом суда идёшь. Один бумага мне, один бумага тебе.

Мы выходим в коридор. Мерка садится заполнять бумажки, я внимательно всматриваюсь в портреты за стеклом и играю сама с собой в игру «найди три отличия». Проигрываю, конечно.

Мы снова стучим в тяжёлую дверь.

– Можно?

– Иды!

Из окна паспортного стола видна улица, жёлтый «воронок» с голубой полоской с надписью «МИЛИЦИЯ». Около него стоят и курят милиционеры. Один весело рассказывает, все смеются. Как хорошо всё-таки там, на улице, по ту сторону железных решёток.

– Давай! – Раствор перманганата калия не встаёт из-за стола, он немного приподнимается и протягивает руку, – фото иест?

Серая в углу за писчей машинкой стучит по клавишам ещё сильнее, будто мстит кому то.

Паспортистка берёт фотографии, не отрывая глаз от заполненных анкет. Перечитывает, снимает очки, перечитывает ещё раз, откладывает листки в сторону. Тётенька смотрит на нас с удивлением и жалостью, словно только что узнала о какой-то тяжёлой и неизлечимой болезни, внезапно поразившей нас с Мери.

– Дэвачка! Как тебе зовут? Да. Харашо. Здес написана «МЭРИ». Мери, скажи меня: што пишут здэс, пятый графа? Здес пишут «на-ци-нал-наст!». А ви что писал? Ви писал за-место «националнаст» – «гре-чан-ка»? Где «гречанка» – на-цаналнаст, дарагой!? Где СССР гречанка?! Гдэ Грузиу «гре-чан-ка»? Ми здес пятнасят советских республика – Расия, Армения, Азербаджани. Нацаналнаст эта руски, грузин, армян. Здес, дарагой, никакой «гречака» ниет! Пиши здес – «руски».

Она что – неграмотная?! При чём тут «пятнадцать братских республик»!?

Смотрю то на тётку, то на Мери и начинаю понимать, что тётку выдали замуж в город с хутора Большие Кукареки. Из деревни её вывезли, а вот деревню из неё – не смогли. Она для простоты общения предлагает поменять националь-

ность? Или для чего другого?

Мерка стоит в полном ступоре, выпучив глаза.

– Тётяшка! Какой «русски»!? – впервые в жизни включаю мозги быстрее Мери. Это не называется «плохо себя вести», это называется «поиском истины», – есть греки! – Неожиданно даже для самой себя ору я, – греки есть... и чтоб вы знали, – стараюсь перейти на более миролюбивый тон, – греческие поселения появились здесь, на территории Грузии ещё в восьмом веке до нашей эры!

Теперь все смотрят на меня. Даже тощая в углу перестала стучать и руки её зависли в воздухе.

– Харашо! – Кровавые колокольчики или васильки, что там на ней одето, не очень сердятся. Выдержав паузу в тридцать секунд, руки в золоте, подколов фотографии Мери к стопочке бумаг, перекалдывают их в папку с другими документами. Мери протягивают несколько листков дубликата.

– Через десат дней после перерив, вечером иди здэс.

Мы сразу понимаем: мадам предлагает нам прийти ровно через десять дней после обеденного перерыва во второй половине дня, желательно к вечеру.

– Спасибо. До свиданья.

Ох, наконец, это всё закончилось. Не-е, я второй раз сюда не приду, пусть паспорт Мерка сама получает.

– Дита...

Ой, что это с ней?! Голос Мери хриплый и тихий.

– Дита... смотри, что она мне в графе национальность на-

писала... «гречанка от восьмой век до нашем эры»

Мы не смеёмся, мы рыдаем, икаем, мы бьёмся в судорогах...

– Ну что, дорогая, – Мери вся красная утирает слёзы, пошли теперь за макулатурой. Там сарай в конце двора. Знаешь что, мы через двор как раз на другую улицу и выйдем, а то вдруг нас тот тип на машине около дверей ждёт.

– Зачем ему?! – Упущение, однако, – у нас были осложнения, а я давно забыла про глупое приключение.

– Что «зачем»? Забыла, как паясничал? Шут гороховый. Ему надо нас подвезти, познакомиться там... ну... покататься...

– Чего это мы с ним поедем «кататься»? Лично я никуда не поеду.

– Ага! Он-то думает – поедем! Чтоб круто нарисоваться, типа «девушек подвозил, познакомился. Свиданье назначил и всё такое. Слушай, сейчас выходим через вторую дверь, которая к сараям ведёт, пока милиционеры на улице. Во дворе точно никого нет.

– Давай!

– Вон они, сарай, – Мери кивает в сторону заброшенных домиков у самого забора.

Фу, как тут противно и жутко. Тёмное помещение, шкафы с папками, бумаги в куче, здесь, скорее всего, и мыши водятся, а всё равно уютней, чем у них внутри со столами зелёного сукна и стенами, до половины покрашенными мас-

ляной краской. Бр-р-р...

– Мерка, ты что-нибудь видишь? Я ничего не разберу.

Мерка шуршит, дёргая явно тяжёлое.

– А что тут разбирать?! Смотри, какие тюки. Хватай и тащи. Нашему классу первое место обеспечено. Сколько сможем, столько и унесём.

– Классно они верёвками перетянуты, держать удобно, скажи? – Поддакиваю в полном восторге.

– Пряма нас ждали!

Так, так, так. Через двор отделения милиции, мимо дремлющих на солнце собак, мимо никем не охраняемых внутренних ворот... Мы несём в обеих руках перетянутые бечёвкой кипы бумаги, и гордимся своей сообразительностью.

Это надо же выскочить нос к носу прямо на эти самые мерзкие «Жигули» – «копейка» с ещё более мерзким типом за рулём! Но Мери не так раздосадована, как я.

– Судя по всему, вы хотите нас подвезти? – Откуда в её голосе столько торжественности?

Небритый обладатель машины сияет, как медный таз:

– С огромным удовольствием! Такие красивые девушки...

– Если вы не прекратите дурачиться, никуда мы с вами не поедем! Говоря проще, вы хотите нам помочь? – У Мери выражение лица Жанны Д'Арк.

– Да!

– Клади всё это ему в багажник, и пошли ещё принесём.

Наконец-то вспомнила обо мне.

Бежим снова к сараю и тащим бесконечные бумажные тюки, гарантирующие нам Почётный Вымпел школы.

Нет, всё-таки хорошо, что мы не пешком несём всю эту кучу бумаги. Приличный салон в этих самых «Жигулях», на торпеде наклейка с греческим флагом, в салоне греческая песня. Он что, грек, что ли?!

Мы сидим на заднем сиденье с вытянутыми спинами и лицами и тюками на коленях, строгие-строгие, деловые-деловые. Чего этот небритый поминутно оглядывается на Мери?! Эй, «крепко за баранку держись, шофёр!»

– Девочки, давайте уже знакомиться. Меня зовут Одиссей, а вас?

– Мы не разговариваем с незнакомыми мужчинами и не знакомимся, – как Мери всегда так быстро придумывает нужные слова?! – Мы выполняем наш комсомольский долг. Поэтому везите нас в школу и не балуйтесь.

– Ух, ты – какая она строгая! Отличница, наверное, да? – Это он уже мне.

– Дя-а! – Строю Одиссею «рожу», но не уверена, насколько хорошо получилось.

Наконец, становится виден наш школьный двор с чёрной металлической оградой.

– Всё. Спасибо. Нам тут остановите, пожалуйста, – Мери держится за ручку двери.

– Можно я вам помогу?

– Не надо нам помогать. Сами донесём! – Мери первая вы-

прыгнула из салона. – Спасибо от всего актива школы номер двенадцать. Коммунистическая Партия Эс-Эс-Эс-Эр и Комсомольская организация будут вечно гордиться вами.

Не могу сдержаться. Я тоже хочу поиздеваться:

– И имя ваше впишется золотыми буквами в список лучших макулатурщиков тысяча девятьсот восемьдесят девятого года!

А-а-ах! Много смеемся. Не к добру это. Ну и пусть.

Глава 2

Таинственная находка

Да, нет... вроде пока всё хорошо. Вон Лилия Шалвовна довольна со всех сторон. Ещё бы: целая куча чистой, без камней и грязи, сухой бумаги.

– Лили Шалвовна, я же сказала, что возьму Дитку на поруки. Вы же не скажете её маме про опоздание? – Мери снова обхаживает нашего завуча по воспитательной части, зато я уже забыла и про утренний конфликт и про исправительные мероприятия забыла, поэтому мама меня называет «несобранной» и «безответственной».

– Ну, хорошо, хорошо, – Лилия Шавловна согласно кивает, – эй, кто там у меня записывает? Пиши – Афродита Лазариди... ух ты... ух ты... больше пятидесяти килограммов! И как ты столько донесла?! Видишь, Дита, можешь, когда хочешь.

Как на самом деле я или мы всё это донесли, Лилии Шалвовне совсем неинтересно, ей важен результат, яркий, мощный и впечатляющий, а «как?» – это она просто спросила, в воздух.

– Ну, что, дорогие мои? – Завуч потирает руки, – через час всё заканчиваем, можете отдохнуть, а в шесть часов вечера будет «линейка», там и объявят результаты социалистического соревнования, увидим, чей класс победил.

Если «линейка» в шесть, то никакого смысла идти домой. Деда, наверное, поднимется только к вечеру. Он пока обрежет виноград, пока подвяжет, потом будет убирать ветки, подметать двор. Кому лень идти домой, расходятся по школьному двору. И я не пойду.

Когда деды дома нет, даже заходить домой не хочется. «Уличная ты», – говорит мне мама, если узнаёт, что была возможность прийти домой пораньше, а я этого не сделала. «Уличная» так «уличная». Я могу до посинения рисовать в пионерской комнате плакаты, выпускать совсем одна стенгазету. За это мама не может поругать, она не одобряет, но и поругать не может. Зато потом она быстро находит другие причины, и мне достаётся сразу и за всё.

Мерка тоже домой не пойдёт. Но не потому, что ей дома скучно, а потому, что именно сегодня на самом деле интересней здесь.

В центре школьного двора, где огромные кучи газет, книг, журналов, старых и не очень, порванных и целых ковыряются все. Бери – не хочу! Где ещё увидишь такое изобилие всего на разных языках, с картинками, без картинок, с, пожелтевшими от времени, страницами. Одним словом – рай.

Я лично очень люблю журнал «Работница», и даже не весь журнал, а бесплатное приложение, которое вставляют по середине. В нём печатаются модели женской одежды и даются выкройки. Я давно шью себе сама, ещё с шестого класса, потому что всегда помню – на мой размер в магазине готовой

одежды ничего не продаётся. Точнее продаётся, но не совсем на меня. Особенно смешно было, когда я была маленькой. Если я училась в пятом классе, мне покупали платья для девятого класса, они были длинными и страшными, как мешки для картошки. Если они мне в ширину лезли, мама меня потом водила к «портнихе», и их укорачивали. Когда я была в шестом классе – покупали для учениц десятого класса, и тоже если платье лезло, то укорачивали. А потом все они перестали на меня лезть, поэтому мне стали шить одежду на заказ в ателье. Потом мне это надоело, эти «портнихи» специально кололись булавками, делая вид, что закалывают ткань, и кололи меня. Не ходить же мне голой, я попробовала шить сама. Сперва из старого пледа пошила себе юбку, очень тёплую юбку и красивую, с аппликацией на подоле, но аппликацию потом пришлось отпороть, потому что мама сказала, будто с «моей стороны», как взрослой «девушки» «не прилично» ходить с «детскими вышивками» и выгляжу я «по мещански». Но если я сейчас в куче макулатуры найду хоть парочку журналов с выкройками, будет большой удачей. Даже пусть старые, неважно, я умею фасоны переделывать.

– Дитка-а!

Мери копается рядом и сопит от удовольствия. Что это она отложила, уселась сверху и теперь делает вид, будто листает другую книгу? Она держит «Алые паруса»? Что может быть интереснее «Алых парусов»? Я не читала эту книжку,

хотя и очень бы хотела, мама тщательно проверяет мою библиотеку. Про «Алые паруса» мама сказала:

– Нет необходимости. Слишком вульгарная вещь. У этой девочки мозги совсем не варили, она вместо учёбы в свои четырнадцать лет только и думала, как выскочить замуж. Если б это была моя дочь, я бы ей ноги-руки переломала». Мама всегда говорила «ноги-руки» как одно слово.

Наверное, мама всё правильно делает и уже давно выкройка юбки «годэ» мне гораздо интересней «Алых парусов». Враки всё это, если и правда в моей собственной жизни никаких «парусов» не было и не будет, ни «алых», ни «серо-бу-ро-малиновых», и они мне неинтересны.

– Афродита! Ты что, не слышишь?! – Мери тянет меня за плечо и наклоняет к себе.

– Слышу!

– Смотри, что я нашла!

Ну и что ты «нашла»? Книга в жёстком переплёте. Облезлая, но вроде как ничего. Это уже приятно. Жёсткий переплёт всегда красиво выглядит, если просто поставить на книжную полку. На обложке нарисованы вытянутые голые фигурки с венками на головах, цвета охры с чёрным, огромные вазы. Они, помнится, называются «амфорами». И что в этих голых фигурках хорошего? Они прямо такие странные и совсем не похожи на картины Васнецова.

– Почему ты такая дремучая?! – Мери не может сдержать себя, – причём тут Васнецов?! Эта книга вообще почти за-

прещённая, точнее не для плоских мозгов.

– Она про мужчин и женщин, что ли? – Ой, мне неинтересно, но внутри щекотно...

– Хуже! – Мери делает таинственное лицо, – в ней вообще всё вместе, она и про мужчин с женщинами, и про Богов с животными, и мужчин с мужчинами, одним словом – про древнюю Элладу, значит, про Грецию. Ты помнишь, что та тётка в паспортном столе сказала? «У нас пятнадцать союзных республик и никаких „греков“ в СССР нет». Если ты не знаешь, то мне папа рассказывал, греков вообще никто не любит, и в 1949 Сталин переселил их, то есть нас, с побережья Чёрного моря в Казахстан в дикие степи. Сама должна понимать – Греция – капиталистическая страна, греков считали «неблагонадёжными» и переселяли далеко-далеко. Какая глупость, да? Можно подумать, Греция собиралась напасть на наш СССР, а мы – предатели Родины. Знаешь, сколько на тех выселках людей погибло?! Так что быть греками – это опасно. Это как быть капиталистом. Так что, книгу эту лишней раз никому и показывать то нельзя, тем более, твоей маме. Это тебе не «Капитал» Карла Маркса.

– Знаю без тебя! – Вру я и не стесняюсь.

– Ну, а если знаешь, чего спрашиваешь?! – Мери переходит на шепот, – мы сейчас, смотри, как поступим: я тебе эту книгу отдам, ты её спрячь и дома никому не показывай, а то от твоей мамы влетит и тебе и мне. Смотри, что написано: «Часто терпит обиды Гера от мужа своего Зевса. Так

было, когда Зевс полюбил прекрасную Ио и, чтобы скрыть ее от жены своей Геры, превратил Ио в корову». Что тебе рассказывать, как у Зевса была любовь с коровой, если ты даже не знаешь, кто он? Ладно, почитаешь, потом обсудим. Ещё раз предупреждаю, увидят дома про Зевса и корову, всё, считай, наша дружба закончилась. Пошла я домой, подруга, не пойду я на линейку в шесть часов. У меня сегодня дополнительные занятия по физике, репетитор придёт. Мне эту физику в институт сдавать. Последний год мы в этой школе. Дальше у нас совсем другая жизнь будет. Книгу спрячь, мне дома не нужны проблемы.

– Сказала – спрячу! – Тщательно засовываю выдавшую виды книгу за резинку спортивных штанов, и сверху снова опускаю школьное платье, – как она называется, хоть скажи, а то я увидеть не успела, всё «спрячь, да спрячь». В штанах никто не найдёт. Мне надо переодеться, я вспотела как лошадь. Если опять дома воды не будет, я сойду с ума. У вас тоже воду стали отключать?

– У нас пока нет, – Мери задумчиво трёт переносицу, – «Легенды и Мифы Древней Греции» книга называется. Любопытно, кто её на помойку выбросил? Либо кто-то, ну о-о-очень тупой, либо человек чего-то боялся.

Подруга отвернулась, смотрит в сторону. Когда у неё такое лицо, она ещё красивее.

– Как вы вообще справляетесь? У вас дети маленькие, в вашем районе то свет отключают, то воду, – она смотрит

на меня с сочувствием, – кошмар дикий вечерами без света сидеть, ни телевизор не включишь, ни книжку не считаешь.

– Считаешь, считаешь, – поправляю я «Легенды», прижатые резинкой спортивных штанов к животу, – у деда фонарик попрошу. Деда всегда мне всё даёт. У него такой китайский есть, очень хороший. Правда, придётся ждать, пока все спать лягут, и главное мелочь уснёт, ведь продадут с потрохами, родителям заложат. Элладка, знаешь, какая? Ей нравится меня закладывать, за это мама хвалит её и говорит, что она в отличие от меня «хороший и честный ребёнок». Ладно, Мерунчик, пока! Завтра встретимся. Я тоже не пойду на линейку, и нам за это ничего не будет потому, что победителей не судят.

– Древняя Эллада – страна мифов и легенд... Земля бесстрашных героев и отважных мореплавателей...

С ума сойти! Я почти на середине книги. Никогда так быстро не читала.

Казалось, весь мир сговорился против меня, все слонялись и слонялись по квартире весь вечер, кроме деда, который разгадывал кроссворд. Даже у соседей в доме напротив горел свет.

Родители с вечера ужинали два раза. Потом есть захотел Александрос, все снова пошли на кухню. Потом Арис долго сидел в туалете. Я видела свет, выбивающий из-под двери. Поэтому, когда Элладка, расчесавшись на ночь, снова рас-

плела свои косы и уселась перед зеркалом в коридоре их переплетать, я, чтоб успокоиться стала представлять себе, как выщипываю ей эти её патлы по одной волосинке, чтоб ей нечего было чесать, и тогда бы она стала ложиться спать вовремя.

Дедын фонарик очень яркий, всё хорошо видно, но от него под одеялом и светло и сильно жарко. Если одеяло убрать, все сразу увидят, что я не сплю, а читаю и совсем не учебник по школьному предмету, а читаю что? Запрещённые сказки, то есть, мифы капиталистического государства Греции. Мама мне этого не простит. Стало быть, лучше я задохнусь, чем будет скандал и книгу у меня эту заберут.

«Кроме титанов, породила могучая Земля трех великанов – циклопов с одним глазом во лбу – и трех громадных, как горы, пятидесятиголовых великанов – сторуких гекатонхейров, названных так, потому что сто рук было у каждого из них. Против их ужасной силы ничто не может устоять, их стихийная сила не знает предела.

Возненавидел Уран своих детей-великанов, в недра богини Земли заключил он их в глубоком мраке и не позволил им выходить на свет. Страдала мать их Земля. Ее давило это страшное бремя, заключенное в ее недрах. Вызвала она детей своих, титанов, и убеждала их восстать против отца Урана, но они боялись поднять руки на отца. Только младший из них, коварный Крон [3*], хитростью низверг своего отца и отнял у него власть.

Богиня Ночь родила в наказание Крону целый сонм ужасных существ: Танатоса – смерть, Эриду – раздор, Апату – обман, Кер – уничтожение, Гипнос – сон с роем мрачных, тяжелых видений, не знающую пощады Немезиду – отмщение за преступления – и многих других. Ужас, раздоры, обман, борьбу и несчастье внесли эти боги в мир, где воцарился на троне своего отца Крон. Крон не был уверен, что власть навсегда останется в его руках. Он боялся, что и против него восстанут дети и обрекут его на ту же участь, на какую обрек он своего отца Урана. Он боялся своих детей. И повелел Крон жене своей Рее приносить ему рождавшихся детей и безжалостно проглатывал их. В ужас приходила Рея, видя судьбу детей своих. Уже пятерых проглотил Крон: Гестию, Деметру, Геру, Аида и Посейдона.

Рея не хотела потерять и последнего своего ребенка. По совету своих родителей, Урана-Неба и Геи-Земли, удалилась она на остров Крит, и там, в глубокой пещере родился у нее младший сын Зевс. В этой пещере Рея скрыла своего сына от жестокого отца, а ему дала проглотить вместо сына длинный камень, завернутый в пеленки. Крон не подозревал, что был обманут своей женой.

А Зевс, тем временем, рос на Крите. Нимфы Адрастея и Идея лелеяли маленького Зевса, они вскормили его молоком божественной козы Амалфеи. Пчелы носили малышу мед со склонов высокой горы Дикты. У входа же в пещеру юные куреты ударяли в щиты мечами всякий раз, когда

маленький Зевс плакал, чтобы не услышал его плача Крон и не постигла бы Зевса участь его братьев и сестер.

Вырос и возмужал прекрасный и могучий бог Зевс. Он восстал против своего отца и заставил его вернуть опять на свет поглощенных им детей. Одного за другим изверг из уст Крон своих детей-богов, прекрасных и светлых. Они начали борьбу с Кроном и титанами за власть над миром.

Ужасна и упорна была эта борьба. Дети Крона утвердились на высоком Олимпе. На их сторону стали и некоторые из титанов, и первыми – титан Океан и дочь его Стикс с детьми Рвением, Мощью и Победой. Опасна была эта борьба для богов-олимпийцев. Могучи и грозны были их противники титаны. Но Зевсу на помощь пришли циклопы. Они выковали ему громы и молнии, их метал Зевс в титанов. Борьба длилась уже десять лет, но победа не склонялась ни в ту, ни в другую сторону. Наконец решился Зевс освободить из недр земли сторуких великанов-гекатонхейров; он призвал их на помощь. Ужасные, громадные, как горы, вышли они из недр земли и ринулись в бой. Они отрывали от гор целые скалы и бросали их в титанов. Сотнями летели скалы навстречу титанам, когда они подступили к Олимпу. Стонала земля, грохот наполнил воздух, все кругом колебалось. Даже Тартар содрогался от этой борьбы.

Зевс метал одну за другой пламенные молнии и оглушительно рокочущие громы. Огонь охватил всю землю, моря кипели, дым и смрад заволокли все густой пеленой.

Наконец могучие титаны дрогнули. Их сила была сломлена, они были побеждены. Олимпийцы сковали их и низвергли в мрачный Тартар, в вековечную тьму. У медных несокрушимых врат Тартара на стражу стали сторукие гекатонхейры, и стерегут они, чтобы не вырвались опять на свободу из Тартара, могучих титанов. Власть титанов в мире миновала...»

С ума сойти... «власть титанов в мире миновала»... Страшная судьба постигла титанов... Надо же, как с ними поступили...

А это что?

– ...и кто не чтит златокудрую богиню Афродиту, кто отвергает дары её, кто противится её власти, того немилосердно карает Богиня Любви...»

«Богиня»... что такое «богиня»? Я знаю, что есть церкви, есть Бог, но пионеры и комсомольцы туда не ходят. Даже когда Пасха, вокруг церкви ходят дружинники с красными повязками на руке и всех, кто не старики отлавливают, потом ведут в милицию, в отделение. Ох! Хуже милиции и паспортных столов ничего не бывает! Но это тоже что-то другое. Здесь написано «Богиня Любви» и это всё про греков?!

Ужас какой... Но так невозможно! Надо у кого-нибудь попросить объяснений. Голова кругом пошла. Всё, оказывается, совсем не так, как я думала, а Мерка знала, но молчала. Я сейчас, прямо сейчас разбужу деду, он не будет ругаться. Пусть он мне расскажет как это может быть, а то я... я сей-

час заплачу...

Опускаю на пол босые ноги. Т-с-с... лишь бы Элладка не проснулась. Надо тихо, очень тихо.

Иду в коридор на цыпочках, стараюсь не задеть ничего по дороге.

Деда спит совсем в другой комнате, Он спит не в комнате, а на застеклённом балконе. Мы балкон называем «дедыной комнатой». У нас модно «стеклить» балконы, и там хранить консервы, запасные колёса от велосипедов... все соседи застеклили. А у нас на балконе на раскладушке ещё спит деда. Раскладушка скрипучая и старая, но деда её очень любит, заправляет, как в армии, миллиметр в миллиметр одеялко, красиво и аккуратно. У него на стене висит карта Европы и на ней красным карандашом помечена странная территория – кусок Турции, полуостров Крым и дедыной рукой, большими печатными буквами выведено слово «ПОНД».

Что такое «Понд»? Откуда он? Почему Крым – это Понд? Это его второе название? Деда не рассказывал, да и я не спрашивала. Но сейчас срочно надо узнать, что означает слово «Богиня», и что такое «Понд»? Ещё у деды на тумбочке в зелёную бутылку от минеральной воды «Боржоми» вставлен греческий полосатый флаг с крестом. Греческий флаг я видела только у нас. Мой деда никого не боится. У него на стене висит ружьё, правда, оно не заряжено, но всё равно ружьё.

– Папули... папули... деда!

Деда не храпит. Он никогда во сне не храпит и ничего не делает. Мне всегда интересно: спит ли он вообще или у него просто прикрыты глаза, но он всё слышит и подглядывает? И как он спит, если на самом деле только уронишь хоть пушинку, а он уже сидит на кровати в своей клетчатой пижаме с прозрачными пуговицами. Иногда кажется, будто деда, как пограничник на границе, стоит на посту, не моргая и не дыша. Пижамы у него всегда пахнут лимоном...

– Что, пулим?! Что – то случилось? – Деда поднимает голову с подушки.

– Нет, ничего не случилось, деда, мне просто спросить...

– Что это? – Он замечает у меня подмышкой книгу и тянет её к себе. Я не отдаю, молча, показываю обложку. Деда тяжело вздыхает, словно ему не хватает воздуха. Он медлит.

– Где взяла? – Тихий шёпот, но я слышу.

– В макулатуре нашла.

– Понятно... и что теперь из всего хочешь спросить?

– Всё хочу... – присаживаюсь к нему на краешек жалобно скрипнувшей раскладушки, – деда, ... скажи мне... а Боги – Олимпийцы правда жили? Мы по биологии проходили, что люди произошли от обезьян.

– Конечно, жили! Все жили: и Боги жили, и Геракл – полубог-получеловек, и кентавры жили в лесах, и нимфы в пещерах... Дай сюда книгу... Смотри, что здесь написано: «Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все воз-

никло из безграничного Хаоса – весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земля – Гея. Широко раскинулась она, могучая, дающая жизнь всему, что живет и растет на ней. Далеко же под Землей, так далеко, как далеко от нас необъятное, светлое небо, в неизмеримой глубине родился мрачный Тартар – ужасная бездна, полная вечной тьмы. Из Хаоса, источника жизни, родилась и могучая сила, все оживляющая Любовь – Эрос. Начал создаваться мир. Безграничный Хаос породил Вечный Мрак – Эреб и темную Ночь – Нюкту. А от Ночи и Мрака произошли вечный Свет – Эфир и радостный светлый День – Гемера. Свет разлился по миру, и стали сменять друг друга ночь и день.

Могучая, благодатная Земля породила беспредельное голубое Небо – Уран, и раскинулось Небо над Землей. Гордо поднялись к нему высокие Горы, рожденные Землей, и широко разлилось вечно шумящее Море...» А вот, смотри, что дальше написано: «Матерью-Землей рождены Небо, Горы и Море, и нет у них отца. Уран – Небо – воцарился в мире. Он взял себе в жены благодатную Землю. Шесть сыновей и шесть дочерей – могучих, грозных титанов – было у Урана и Геи. Их сын, титан Океан, обтекающий, подобно безбрежной реке, всю землю, и богиня Фетида породили на свет все реки, которые катят свои волны к морю, и морских богинь – океанид. Титан же Гиперион и Тейя дали миру детей: Солнце – Гелиоса, Луну – Селену и румяную Зарю – розовоперстую Эос. От Астрея и Эос произошли все звезды, которые

горят на темном ночном небе, и все ветры: бурный северный ветер Борей, восточный Эвр, влажный южный Нот и западный ласковый ветер Зефир, несущий обильные дождем тучи...»

У меня по спине бегут холодные струйки, а руки мокрые и липкие. Страшно и интересно... Хорошо, что деда здесь.

– Деда, а зачем Боги воевали с Титанами?

– За власть над миром, пулим, как всегда. Разве ты не поняла?

– Но ведь можно власть поделить, договориться как то.

– Власть не коржик, на части не делится. Я понял – ты прочла, как сторукие вырывали из Земли скалы и с силой, сотнями, обрушивали их на головы титанов. Стонала Земля, грохот наполнял воздух, все кругом колебалось. Даже Тартар содрогался от этой борьбы. Зевс без усталости метал пламенные молнии, моря кипели, дым и смрад заволокли все густой пеленой... Земля, обжигаемая пламенем горящих лесов, ничем не могла помочь своим сыновьям. И побежденные титаны были низринуты Олимпийцами так глубоко в недра земли, что наковальня должна была лететь туда девять дней и девять ночей. Там, в мрачном Тартаре навсегда должны были остаться бессмертные титаны.

– А потом? После исчезновения титанов?

– А потом наступил мир. И Боги стали спускаться на Землю к людям, чтоб обучать их промыслам.

– Ах, деда! – На меня нашло озарение, – Деда, я всё поня-

ла, англичане и Чарльз Дарвин произошли от обезьян, а мы – греки, произошли от Богов – Олимпийцев, да?

Деда беззвучно смеётся, держась за голову и раскачиваясь из стороны в сторону. Я тоже зажимаю себе рот рукой и хрюкаю, как ненормальная, зажмурился от удовольствия глаза.

– Деда, а Титаны исчезли с лица Земли, не оставив даже следа? – Меня спать не гонят, значит можно ещё спрашивать.

– О, нет, тут ты ошиблась. Титаны не могут исчезнуть, они же бессмертны. Та часть земли, в которую была пролита кровь титанов, родила Людей. И была эта земля берегом пресного озера. А что потом с ним произошло и где оно – никто теперь не знает. Знают только, что с тех берегов пришлось этим людям уйти далеко на север. И на золотой колеснице, запряжённой белыми лебедями, сам свету подобный прекрасный Бог Солнца Аполлон прилетал к ним. Но это ещё не всё! Мы же сказали, что первых трёх сыновей Гея – Земля родила сама и звали их Небо, Горы и Море. Но, говорят, будто у Геи было четверо сыновей. Четвёртым был подземный океан, ты знаешь, что все моря и океаны под корой Земли соединяются между собой? – Дед вдруг, спохватившись, тянется к тумбочке, хватая с неё будильник, стучит пальцем по стеклу, – дорогая внучка! Пять утра! В пять утра совсем не время беседовать о потерянном озере. Всё это потом, завтра... Если проснутся папа или мама, ты же знаешь, чем это всё закончится. Беги сейчас же спать, но... постой секундочку, быстренько мне сейчас пообещай вот что:

дай мне честное слово, что в центр города не поедешь, пока я не разрешу!

– По-че-му? – Как всё это неожиданно, – почему не поеду? – Я не хочу дедуле перечить, я на самом деле хочу понять, почему именно.

– Не знаю, что вам говорят в школе про перемены в нашей стране... – деда уже шепчет очень быстро и ещё тише.

– Да, мы проходили про горбачёвскую «перестройку», не переживай. Про гласность и всё такое проходили...

– Оставь гласность! – Я вижу по дедыному лицу, он говорит очень серьёзно, – я не про «гласность» спрашиваю, я спрашиваю, что говорят в школе про акции протеста перед Домом Правительства?

– Да ничего не говорят. Нам это неинтересно. А ты про что вообще?

– Перед Домом Правительства устраиваются акции протеста. Я сам видел лозунги «Да здравствует независимая Грузия!», «Требуем демократической многопартийной системы!» Диточка, детка, это очень опасно. Дай мне «честное слово», что ты туда не пойдёшь, пока всё это не прекратится. Я старый, я давно живу на свете и знаю: добром это не закончится, поэтому я тебя прошу...

– Деда! Я... Ах! Мама?

На пороге балкона стоит мама в байковой ночной рубашке. Ну, всё, мне конец.

Одним движением сую «Легенды и Мифы Древней Гре-

ции» деду под подушку, тут тусклый свет, может, мама не заметила?

Мама говорит очень громким шёпотом, делая вид, будто старается говорить тихо:

– Что, совсем с ума сошли?! Вы не видите, который час?! Или ваши часы по-другому идут? Что за беседы такие полуночные, я не знаю!?

Деда достаёт из ящика таблетки и суёт их мне в потную ладонь:

– Вот голова у ребёнка болит. Пришла попросить лекарство.

– Пустая голова, от того и болит! – Мама крутит пальцем у своего виска, – Я вижу, у тебя слишком много свободного времени, ни черта не делаешь, не устаёшь и уснуть не можешь. Чтоб сегодня же написала мне сочинение «Творчество Алексея Толстого второй половины двадцатых годов», а я проверю, что ты там понапишешь, и почему твоя голова болела. Всё? Таблетку тебе дали? Пошла отсюда.

Мама, презрительно фыркнув, первая выходит с застеклённого балкона.

– Деда, спокойной ночи, – я выплёвываю таблетку в руку и обнимаю своего дедушку.

– Спокойной ночи, пулим...

У нас в школе переменка. На улице визг счастья. Дети играют, прыгают через скакалку, мальчишки устраивают «куча

мала». Я тоже умею через скакалку, но это слишком смешит детей, поэтому я сижу в пионерской комнате под портретом Ильича с героями – пионерами в деревянных рамках и, раскатав по полу красный ситец, пишу на нём широкими плакатными перьями: «Да здравствует 8 Марта!». Обещала завучу, вот теперь и ползаю по полу на коленях, выводя белые буквы на кумаче. Кроме меня здесь шкаф с книгами, стенды с героями Отечественной войны и мой любимый, нарисованный цветными карандашами «ядерный взрыв» около ящика с песком. Над ящиком два треугольных красных ведра и огнетушитель. Я всегда думала: почему ведра треугольные? Тогда мне Лилия Шалвовна и объяснила, будто у ведер дно острое, чтоб в случае пожара на землю их не ставили, не ротозейничали, а носили воду и заливали огонь. В центре пионерской комнаты на стене висит Знамя школы из красного бархата, два барабана – один дырявый, и пионерский горн.

– Вот ты где! А я тебя по всей школе ищу.

Мерка пришла! Я всегда рада её видеть.

– А чего так зубной пастой воняет? – Она смешно водит носом влево и вправо.

– Так я ею пишу, вот сказано на тубике: «Апельсиновая зубная паста». Развожу в воде и пишу.

– Ну, пиши. Я пришла тебе сообщить... Ладно, ты никому не скажешь?

Отрываюсь от срочной работы, удивлённо смотрю прямо

Мери в глаза.

– Прости, пошутила. Слушай, ты про «свадьбу» 25 Марта, помнишь вообще? Ну, День Освобождения Греции! Ну? Ну «свадьба»? Ну? Там будут...

– Что «ну»!? Помню, естественно! – Буква «Р» вышла кривая, – что «будут»!? Как ты любишь тянуть резину. Что «будут»? Будут конфеты раздавать?

– При чём тут «раздавать»!? На «свадьбе»... будут... настоящие греки из самой Греции!

Я роняю перо, и оно катится по столу, оставляя пятна зубной пасты на красном ситце.

– Совсем, совсем настоящие?! Прямо из Греции?! Ого! Наверное, похожи на Олимпийских Богов, как античные герои, да? – Какое уж теперь 8 Марта и транспаранты, если греки приезжают?!

– Э-э-э, проснись... те давно умерли. Обычные, простые греки, которые едят в обед макароны, но, возможно, они и красивые, танцоры приедут. С тобой всё ясно... Ты до какой страницы дочитала?!

– При чём тут «страница»!?

– При том, что ещё вчера у тебя с головой всё было нормально. Ладно, дописывай, я пошла, вечером встретимся

– Вечером не могу. Мама сказала, что я должна написать сочинение «Творчество Алексея Толстого второй половины двадцатых годов» и она проверит.

– А-а-а... ну-ну... пиши-пиши. Я бы с удовольствием

взглянула на тебя, когда «творчество Алексея Толстого» тебе ну о-о-чень пригодится...

8 Марта все девчонки в классе сидят, затаив дыхание. Все делают вид, будто ничего не происходит, хотя прекрасно видят, как мальчишки шушукаются и друг другу за спиной что-то показывают. Наконец, уроки закончились, и староста класса, быстренько захлопнув дверь за учителем, торжественно произнёс:

– Девчонки! Поздравляем вас с Международным Женским днём и дарим вам ваше изображение!

Он достал из парты коробку от чешских сапог «Цебо» и, медленно переходя от парты к парте, жал девчонкам руку и доставал из этой коробки солонки с перечницами в виде гружённых ослов.

Никто не обиделся! Сперва просто весь класс оцепенел, потом первой засмеялась Мери. Так и перекатывался по классной комнате её звонкий смех, подхваченный ещё двумя десятками девичьих голосов. Мы прыгали на мальчишек, целовали их, благодарили. Одним словом – праздник удался.

Две недели до 25 Марта пролетели незаметно. Мы в классе то и дело вспоминали про ослов, смеялись и снова вспоминали, спорили, кто из девчонок на них меньше похож, кто больше. Вначале пальму первенства хотели вручить мне, но быстро об этом пожалели. И всё же в классе у девчонок

праздник уже закончился, теперь они могли ждать только 1 Мая – День Солидарности Трудящихся всего мира, а у нас с Меркой скоро намечалась «свадьба», и на эту «свадьбу», как оказалось, взаправду приглашены самые настоящие греки из самой настоящей Греции. Это очень, очень круто. Только жаль, что об этом никому нельзя рассказать ни в школе, ни соседским девчонкам.

Я не люблю ходить на разные праздники «всей семьёй». Если б можно было, я бы ходила только с дедой. Элладка обязательно должна выклянчить у меня какую-нибудь красивую заколку для волос, которую я уже представляла на себе, и, конечно же, мама вмешается со словами:

– Отдай ребёнку сейчас же! Она – твоя младшая сестра, ты не понимаешь что ли? Ты должна ей во всём уступать. Что такое, я не знаю? Что такое эта заколка, чтоб из-за неё сыр-бор устраивать!

И невозможно маме объяснить, что заколка тут вообще не причём, обидно, что никогда, никогда в жизни мама не заступает за меня.

Папа ни за что на свете не захочет надевать галстук. Он говорит, что галстук его «душит», и от туалетной воды будет сыпь на лице.

Арис запрётся в своей комнате и никуда не пойдёт.

Александросу мама зачесет чубчик на бок, и он станет похож на Гитлера в детстве, когда он был ещё без усов. Сашка и так не сильно разговорчивый совсем перестанет гово-

ритель, и весь праздник будет делать «воспитанного «мальчика из «приличной семьи».

Мама на себе ничего не поменяет. У неё не будет ни нового платья, ни новых туфель, она даже в парикмахерскую не пойдёт. Мама заколет на затылке «дульку», и наденет повседневное платье. Она умеет праздники превращать в будни, всем своим видом демонстрируя, как ей «ничего этого не надо» и «вся её жизнь в детях».

И только деда, мой любимый и драгоценный за два дня до праздника достанет из старого шифоньера свой прекрасный тёмно-синий костюм английской шерсти, вывесит его на улицу, чтоб проветрить, и будет долго и тщательно подравнивать перед зеркалом усы и причёсывать седую, окладистую бородку. Он будет напевать и светиться от радости. Деда красивый. Он очень красивый.

Что на «свадьбу» надену я?! Я могу пошить себе что-нибудь эдакое, но... но будут же гости из самой Греции, как бы хотелось произвести впечатление. Можно даже и не знакомиться, они, скорее всего, не знают нашего понтийского языка, в Греции сейчас говорят по-другому. Ладно, вечернего туалета не будет, может мне тогда эффектно накраситься? Мне за это, естественно, попадёт, но тут уже никакой разницы, потому что всегда, абсолютно всегда, когда мы ходим «всей семьёй», мама мне потом делает замечания. Говорит, что я «сутулилась», «не убирала волосы со лба», держала «руки в карманах» и ещё много всяких штучек есть у неё

в арсенале. Если я накрашусь, будет всего на одну причину больше для прослушивания эпопеи «добра желаю». Все мои одноклассницы давно подводят брови и красят ресницы и прямо так приходят в школу, и никто их не ругает. Только чем я буду всё это делать? У меня нет никакой косметики. Может, сходить на первый этаж к Мананке? Я сама видела, как Мананка и её подруги ходят накрашенные. Да, они уже учатся в Университете на факультете грузинской филологии, это называется «студентки», но они не на много старше меня. Манана хорошо ко мне относится, даже сама мне дарила чёрный карандаш для бровей. Точно, к ней и схожу прямо перед выходом из дому, чтоб у мамы было поменьше времени меня рассматривать, а то ещё заставит умыться и всё будет зря. Всё же интересно, эти «настоящие» греки, старые или молодые? Сколько их приедет? Ох, я представляю, как за ними все будут ухаживать, угощать, а они все будут смотреть только на Мери. Скорее всего, приедут жёны с мужьями. Во что они будут одеты? Интересно – а «пхали» (грузинское блюдо из шпината с орехами) и «сациви» (блюдо из курицы с ореховой подливкой) они едят? Вообще всё очень, очень интересно. Всё же очень бы хотелось познакомиться. Столько мыслей, столько мыслей, в школе сижу как зачарованная, даже яблоко на перемене съесть забыла и обратно домой его принесла.

25 Марта, День Освобождения Греции, это – сегодня! Но,

«День Освобождения» – это для всех греков мира, а у нас будет «свадьба», и она сегодня. Ох, как смешно выбирают каждый год «жениха» и «невесту». Ещё каждый год у разных «невест» одно и то же платье. Оно на «невесту» то длинное, то широкое, то узкое, смех, одним словом. Но все «невесты» сидят, не дышат, терпят, всё ради Греции.

Элладка с утра бегаёт по квартире и меняет двадцатый наряд. Мне надоело за ней наблюдать, и со счёта я сбилась. Теперь она устала и сидит перед любимым зеркалом в коридоре, выпрямляя огромным гребнем свои и без того прямые, лёгкие волосы. Папа стоит в ванной комнате вполоборота к входной двери, видна его намыленная белая щека, и по движению рук понятно – он бреется. У папы в подбородке ямочка, и он когда бреется, очень смешно засовывает язык под нижнюю губу. Ариса нет на горизонте. Скорее всего, он сидит в своей комнате и снова никуда не пойдёт. Мама в родительской спальне громыхает дверками от трельяжа, что-то ищет, наверное. Только деда с Александром в белом свитерочке и с гитлеровским чубчиком на бок давно готовы к выходу из дому. Они в ожидании семьи друженько сидят на диване перед телевизором. Телевизор вещает на грузинском об акциях протеста перед Домом Правительства. Выступают грузинские лидеры из оппозиции, призывающие к выходу Грузии из СССР.

– Дед, ну что ты смотришь?! Покричат и успокоятся, – папа уже добрился и теперь в белой майке без рукавов хо-

дит по квартире в поисках выглаженной рубашки. Я люблю смотреть на папу в майке без рукавов, у него такая красивая, спортивная фигура. Зачем ему рубашка? Вот бы можно было ходить, как древние атлеты, – Горбачев же сказал, у нас в стране сейчас «перестройка и гласность». Кто что хочет, то и говорит.

– Василий... – деда очень напряжён, – уже официально объявили о начале экономического кризиса в СССР. Это... это не «покричат»... Это – это начало конца, сынок.

– Что вы такое говорите?! – Мама перестаёт хлопать трельяжем и выскакивает из спальни, – хорошо, что дети вас не слушают! Дети... кстати, где Арис?

– У себя в комнате. Он не хочет с нами идти.

– Что значит «не хочет»?!

– А вот не хочет и всё. Иди и спроси у него сама, ну, что за девка эта Элладка! Не влезет во взрослый разговор – простудится! – Не хочет идти с нами, что непонятного? Его во дворе мальчишки и так дразнят «грек».

– Почему «дразнят»? – пожимает плечами мама, – он и есть грек! – Мама удивляется так искренне, словно не знает, что у всех детей клички есть. Вот у меня, например, «бочка», у Элладки – «кривляка», у Ариса – «грек».

– Он и есть грек, это понятно, но дети его дразнят, и он с ними всё время дерётся.

Мама подходит к двери в спальню Ариса и громко стучит. Слышится скрежет замка.

– Он заперся изнутри.

– Ну, заперся и заперся, – папа всегда терпим к людям. Больше всего в жизни он ненавидит крик и скандалы, – не хочет идти, пусть сидит дома.

– Да! Конечно! Все люди придут целыми семьями, с сыновьями, а мы что – хуже других?!

Кажется, это надолго. Пока они будут выкуривать Ариса из его комнаты, я вполне могу спуститься к Манане и накраситься. Лишь бы Мананка была дома.

Чего она так долго не открывает? Может, ушла? Нет-нет... слышны шаги. Всё-таки, как хорошо, что мы живём в одном подъезде с разницей в один этаж. Мананка со своими родителями живёт прямо под нами.

Моя мама их хоть и не любит, но когда я говорю «пошла к Мананке», она всё время делает мне замечание:

– Что это ещё за «Мананка» такая?! Надо говорить «к Манане». Её мать опять уехала в Москву за вещами? Её когда-нибудь посадят за спекуляцию. Брат уже в тюрьме и мать посадят.

– Мам, Мананиного брата посадили за кражу. Торнике...

– О! Ты даже имена уголовников знаешь? – Мама делает притворно восхищённое лицо.

– Я просто знаю, что её брата зовут «Торнике» и всё.

– Вот и хорошо: Торнике сидит, и мать скоро сядет вместе с ним. Она же самая настоящая спекулянтка – покупает там

за копейки и здесь продаёт втридорога. Что это за женщина, которая по поездкам ночует и носками торгует. Это не женщина, это базарная торговка. Потому её отец от горя и напивается каждый день. А ты ходишь туда и позоришься. Будут потом про тебя говорить: «с кем эта девочка дружит? А-а-а... с дочкой алкоголика и спекулянтки и их сыном – вором»!

– Мама, причём тут «спекулянтка»? Манана учится в университете, она будет учительницей.

– Вот-вот! Какие учителя, такие потом и дети растут. Что ты за них заступаешься? Тебе Манана дороже родной матери?!

– Ну, мам...

– Вин арис? (Кто там?) – Это Манана подошла к входной двери и не рискует открывать, не спросив, кто там. У нас в городе всегда надо спрашивать «кто там?», чтоб не открыть незнакомым людям. Всякое же бывает.

– Ме вар, Афродити. (Это я, Афродита, груз.)

Слышу звук отворяемой задвижки, цепочки. Они запираются? Значит, точно матери опять нет дома. Как воняет. Дым глаза жжёт. У них дом горит, а они не чувствуют?

– Привет! Мано, у вас пожар! – Забываю обо всём и бегу к их телефону.

– Привет! Никакой не пожар, – у Мананы сильный грузинский акцент, но она очень хорошо говорит по-русски, – мы кофейные зёрна жарим. Давай, проходи на кухню. Ко мне подружки зашли, пойдём, познакомлю.

Мананка сдержанная и грустная, как всегда. Но она очень, очень хорошая и добрая девочка, мы с детства дружим.

Узкий, тёмный коридор заканчивается плотно закрытой белой кухонной дверью со стеклянными окошками. У газовой плиты стоит похожая на подростка худенькая девочка в чёрной юбке до пола и бесформенном жакете. Она перемешивает в чугунной сковороде зёрна кофе, и те потрескивают.

– А ты мешала, чтоб не пригорело? Молодец! – Манана поправляет широкий ободок на волосах и забирает у подруги ложку. Та возвращается к столу и присаживается на стул.

– Чего у вас так сигаретами воняет? – Теперь я сквозь дымовую завесу чувствую явный сигаретный запах. Я не дразнюсь, мне правда интересно, что происходит и не пойму, почему у них в марте нараспашку открыто кухонное окно, а клубы дыма стелются до пола?

– Воняет сигаретами? Правда? – Манана переглядывается с подружками, – это мы покурили одну сигарету на троих. Вот кофе с чесноком жарим, чтоб запах убрать. Ты же знаешь, меня отец убьёт, если узнает, что я курю.

– Если твой папа опять придёт пьяный, он не унюхает, не переживай, – пытаюсь я шутить, но выходит не смешно.

– Да... .. и это правда... Давай, я тебя с подружками познакомлю. Это Лела, – она показывает на девочку в бесформенном жакете, а это, – Манана показывает вглубь кухни, – это Натия. Мы вместе ходим в Университет. Шен сад гамоипрантже? (Ты куда нарядилась? груз.), – Девчонки с инте-

ресом рассматривают меня.

– Я?! Ха-ха! А мы всей семьёй на «свадьбу» идём!

– Дорогая, какая свадьба в середине недели?!

– Понятно какая! Греческая!

Девчонки тоже улыбаются.

– Ты что-то хотела у меня одолжить? Не стесняйся, говори, мы очень близкие, – Манана оборачивается к подружкам.

– Нет... не одолжить. Я хотела попросить меня накрасить... ты так красиво умеешь.

– Лела тебя накрасит. Лела, накрасишь её?

– Почему нет? – Лела залезает к себе в сумку и достаёт помаду, тушь, румяна. Да у неё с собой целый арсенал!

– Мано, я бы тебя с собой взяла, но сегодня нельзя... – я иногда приглашала с собой Мананку на дни рождения одноклассников, и ей очень нравилась наша русскоязычная компания.

– Нет, спасибо. Я всё равно сегодня не могу. Мы сейчас уходим, поедem к Дому Правительства. Там наши друзья из Университета объявили голодовку. Надо их поддержать.

– Постой, мне деда сказал, что там опасно и запретил туда ходить! – Они с ума сошли, что ли?! Дед же сказал – нельзя.

– Тебе и незачем туда ходить, – Лела красит меня и говорит почти в самое ухо, – там ничего страшного нет. Говорю же, наши сокурсники бастуют. С грузинского факультета.

Манана откладывает сковородку с огня, выключает газовую конфорку и достаёт из шкафа четыре малюсенькие чаш-

ки и кофемолку.

– Всё готово! – Лела рассматривает моё лицо, как Пиромани своё полотно, явно любясь результатом.

Смотрюсь в маленькое зеркальце. В самом деле – замечательно. Прямо я и вовсе не я. Огромные, томные глаза, широкий разлёт бровей. Так я прямо во всеоружии.

– Девчонки, спасибо, ну я пошла? Рада была познакомиться.

– А кофе? – Мананка кивает на четвертую чашечку с белыми ромашками на блюде.

– Не-не, подруга, в следующий раз. Тороплюсь, понимаешь?

– Понимаю, – она ставит чашку обратно в кухонный шкаф, – извини, не провожаю.

– Да ладно тебе.

Я плотно прикрываю за собой кухонную дверь, но скрип кофемолки слышу. Слышу и голоса, замедляю шаг, не торопясь уходить. Подслушивание не входит в мою привычку, но ведь я не подслушиваю, это войдёт в категорию «случайно услышанный» разговор.

– Мано, шени амханагия? (Манана, это твоя подруга? груз.), – Кажется это Натия.

– Хо, мере ра ико? Эртад гавизардет. (Да, ну и что? Мы вместе выросли груз.).

– Ара, апапери. Русия? (Нет... ничего... Она – русская? груз.)

– Ара. Бердзения. (Нет, гречанка груз.)

– А! Витом эхла Сабердзнетши амханагеби геколеба? (А!

У тебя типа в Греции будут друзья? груз.)

– Ра амханагеби?! Эсени арсад ар мидиан. (Какие друзья?!

Они никуда не едут... груз.)

– Эхла ар мидиан, мере цавлен (Сейчас не едут, потом поедут... груз.)

– Каргит ра! Ра могивидат?! (Ладно ну, что с вами?! груз.)

– Арапери! Гехумреби! (Ничего! Мы шутим! груз.)

Всё-таки в подъезде очень холодно. Он же весь продуваем насквозь. Про что это девчонки говорили? Странные они. Надо подумать или у Мерки спросить, чего это обсуждалось. Но, сейчас нет времени думать, мама явно обыскалась уже.

Хорошо, ключ не забыла взять и вошла домой на цыпочках, осторожно прикрыв дверь без щелчка.

– А эта... где эта... Афродита где? Она ещё не одета?!

– Она пошла к Мананке краситься. Ну, тушь там... ресницы всякие... – это не Элладка, а наказание.

– Да пришла я уже, тут я! – Водружаюсь в центре квартиры лицом к лицу с семьёй, кручусь, поворачиваюсь всеми боками и правыми и левыми:

– Ну, как я вам?

Папа никаких перемен во мне не заметил. Элладка хлопает в ладоши, как сумасшедшая, деда с Александросом улыбаются. Я им понравилась.

– Господи... чем я перед тобой провинилась?! – Мама не стала подбирать новые слова, – что ты сделала со своим лицом?

И это всё?! Я прямо легко отделалась.

– Ну, давайте спускаться, надо поймать такси. Мы все вместе в одну машину не поместимся, поэтому, Афродита, ты посадишь Элладу себе на колени.

Глава 3

25 Марта. «Свадьба» в среду

Ну почему я эту здоровенную Элладку должна сажать на свои колени? Всё! Всё теперь помято, моё платье королевой жёванное, хоть лицо не потекло, и то дело. Вид «старшей сестры» из «хорошей семьи» должен быть именно таким – мятое платье, сама как «чмо», потому, что «помощница по дому», ухаживает за «младшей сестрёнкой», значит, честная, порядочная, «целомудренная» – похожая на тыкву с телеги и «покладистая». Фу, какая мерзость! Это называется «жертвенность», то есть, я «жертвую собой» ради семьи. Ладно, Александрос сидит у деды на коленях на переднем сиденье рядом с водителем. Он даже не сидит, а стоит между дедыных колен. И как нас таксист вообще всех в машину пустил? Добрый, наверное. Сейчас подъедем и будем горошинками по одному из машины высыпаться. А там точно все наши стоят, но всё равно сто раз ещё по списку по фамилиям проверят. Не приглашённые в ресторан попасть не смогут.

Как я люблю всякие рестораны! Не потому, что там вкусно готовят, поесть можно и дома, есть я не люблю вообще, хоть мне никто и не верит. Мне нравится, когда все нарядные, друг с другом раскланиваются, танцуют медленные танцы и на небольшой сцене поют в живую. Когда я была маленькая и моя бабуля – папина мама была ещё жива, они несколько

раз брали меня с собой в круиз на теплоходе по Чёрному морю. Конечно, я помню немного, но в памяти застряли два шикарных бассейна, один детский – яркими металлическими цветами, а второй взрослый – глубокий и большой. Деда надевал на меня спасательный круг, и я плавала с ними во взрослом бассейне. Я этот круг ни за что не хотела снимать, надевала прямо на него платье, и таким образом юбка становилась пышнее. По всем палубам стояли деревянные скамейки с брезентами, и на них загорали женщины в широкополых соломенных шляпах с цветами. Но самым прекрасным на теплоходе был ресторан. Огромный, со столами, покрытыми белой скатертью, с фонтаном, сложенным из каменных глыб в центре зала и с настоящим, живым оркестром. Музыканты выходили не сразу, они приходили к середине вечера, попозже, рассаживались, и тогда самый главный музыкант, дунув в микрофон и постучав по нему пальцем, говорил:

– Добрый вечер, дорогие товарищи! – Не отрывая губ от микрофона, наклонял голову то влево, то вправо, чтоб видеть весь зал.

Потом они начинали играть и петь, и даже самые патриотические песни о нашей великой социалистической Родине и добыче угля в забое звучали нежно и таинственно. Тогда очень красивые мужчины в костюмах и галстуках, подойдя к другим столикам, кланялись и тихо спрашивали у кавалеров:

– Разрешите пригласить вашу даму на танец.

Пары плыли и кружились между столиками, потом кавалеры отводили дам обратно, целовали им ручку и благодарили за танец. Конечно, мой деда был самым красивым и в ресторане, и на теплоходе, и вообще. Он приглашал бабулю танцевать, и я не понимала, как бабушки умеют быть такими молодыми?

Потом теплоход возвращался в порт.

Мы уходили, а он оставался. Он нас не мог запомнить, слишком много дел и впечатлений дарят право на ошибку. Зато каждому, кто хоть однажды подходил к фонтану с розовой подсветкой в самом центре зала, долгими зимними вечерами слышалась сквозь вой ветра эта лёгкая, прекрасная мелодия, без насилия и жестокости, а на горизонте в окне, за стволами промёрзших насквозь деревьев, угадывались очертания огромного, как плавучий город теплохода, словно приплывшего прямо по воздуху навестить старых друзей в их холодных квартирах..

Конечно, я в школе никому не рассказывала о море и ресторанах. Не поймут, скажут, что на пароходах катаются капиталисты. Ну, во-первых, это не «пароход», а «теплоход», а во-вторых, мой деда всю свою жизнь трудился и копил деньги на летний отпуск с бабушкой. Всё равно, не поймут ни за что, в отпуск надо ездить в деревню, и помогать в колхозе собирать урожай, да ещё станут выяснять «чему эти учителя своих детей дома учат»?

Сегодня тоже будет праздник в ресторане. Совсем другой, конечно, без фонтана, с другой музыкой, танцами, но такой я тоже очень люблю. Инструменты музыкальные совсем не такие, не фортепьяно и ударник и гитары, а кемендже, даул, дудук.

Даул – такой барабан. Когда в него бьют, он начинает стучать, всё вокруг вибрирует, мой пульс то ли учащается от его звука, то ли сам даул разгоняет кровь по моим сосудам от того, что стал моим сердцем.

Кемендже совсем наоборот – тихая понтийская лира, на ней играют смычком и песни звучат, словно рядом кто-то плачет. Даже если песня весёлая и люди веселятся, всё равно в душе плачут.

Деда мой сам очень хорошо играет на дудуке. Звук дудука похож на рожок, но гораздо красивее и богаче. Деда приносил с собой дудук на свадьбы, на другие праздники и играл, играл, как соловьи поют, играл сам, даже если его не просили. Деда давно не играет, когда бабушка умерла, его жизнь разделилась на «до» и «после».

Мы уже около ресторана. Как интересно, все друг с другом раскланиваются, целуются, мужчины, когда разговаривают, прикасаются к локтю собеседника, наклоняясь поближе. Так получается гораздо теплее.

Кто сказал, будто измятое платье надолго портит настроение?! Как бы не так! Главное сейчас проходить мимо всех, прикрываясь сумкой, для этого надо громко со всеми здоро-

ваться, смотреть в лицо и улыбаться, так никто не успеет заметить мятый подол. Вот уже два раза мы проходили мимо «ответственных» со списками. Интересно, настоящие греки из Греции тоже по списку? Скорее всего нет, их как почётных гостей привезут позже всех на чьей-нибудь «ГАЗ-24», на «Волге», это очень, очень круто. У нас жёлтые «Волги» с шашечками только такси, и редко, очень редко у кого есть своя «Волга», а у самых богатых – белая «Волга».

Банкетный зал украшен торжественно и нарядно. Столы устланы белоснежной скатертью, на стульях льняные чехлы с бантами на спинках, а в центре столов прикреплены за верёвочки два больших воздушных шарика, маячащие под толчком, белый и нежно-голубой, символизирующие двуклор греческого флага. На самой задней стене банкетного зала висит огромный ковёр, а под ним, за столом, ломящемся от яств, приготовлены места для «дорогих жениха и невесты». На стенах огромными буквами выведено «25 Марта», чтоб никто не забыл: «свадьба» – свадьбой, а зачем мы здесь на самом деле собрались. Женщины в чёрных пальто с меховым воротником совсем не торопятся пальто снять, многие ведь шили их в ателье. Они задерживаются около своих стульев и мельком поглядывают по сторонам, чтоб убедиться, заметили ли их. Мужчины в костюмах, галстуках. А, вон и Мерин папа! Какой он подтянутый и красивый, Мерка-зараза вся в него, бежит уже в нашу сторону.

Почти все места в ресторане заняты. Если бы мы ещё ча-

сик прособиралась, точно на ногах пришлось стоять. В пригласительных билетах написаны номера столов, но всё рано люди местами меняются, подсаживаются друг к другу, и начинается неразбериха.

Нас усаживают всех вместе за отдельный стол и надписью «ЗАРЕЗЕРВИРОВАНО», воистину деды авторитет безграничен. Мерка, не спрашивая никого, усаживается рядом со мной.

– Тебя родители не будут ругать, что ты не с семьёй? –
Задаю я глупый вопрос больше для себя.

– А какая разница? – Подруга искренне удивлена.

– Меня бы съели...

– Дорогие гости! – Мерин папа стучит вилкой по своему фужеру, таким образом, объявляя о начале торжества, – Позвольте мне поздравить всех вас здесь собравшихся с самым большим праздником всех греков на Земле, а тем более, понтийских греков, с очередной годовщиной «свадьбы», – он смешно подмигивает и улыбается, у настоящей свадьбы ведь не может быть никакой «годовщины», – Годовщины нашего дорогого Илюши и Маргариточки!

Весь банкетный зал встаёт на ноги и аплодирует.

– Я сейчас хочу напомнить вам немного истории наших любимых людей: Илюша и Маргариточка очень долго страдали и мучились, потеряли всех близких и родных и вот, наконец, всё свершилось!

– Ну, твой папа даёт! Это он накрутил! – Соплю я от удо-

вольствия Мери в плечо. Мне здорово и хорошо.

– Это пока твой дедушка не выступал. Вот кто крутит, так крутит! – Мерка закрывает мне ладошкой рот и всем своим видом показывает, как внимательно слушает отца.

– 29 мая 1443 года главный город Илюши и Маргариточки Константинополь был захвачен Османской империей. Этот день считается точкой отсчёта четырёхсотлетнего Османского господства в доме у Илюши и Маргариточки. Однако, даже в 15—16 веках не все греки подчинились новой османской власти, и Илюша и Маргариточка тоже. Они бежали из родных мест и основывали новые греческие поселения. И вот 25 марта 1821 года впервые родственники провозгласили призыв: «Свобода или смерть!» За этим последовали годы тяжёлой борьбы Илюши и Маргариточки с Османским владычеством. И вот, наконец, – в голосе говорящего звучит сталь, – в 1838 году 25 марта официальным указом объявляют днём Национальной свадьбы наших Илюши и Маргариточки! И с тех пор греки всего мира каждое 25 Марта празднуют этот день. А сейчас, дорогие собравшиеся, я всем предлагаю наполнить свои бокалы и выпить за свадьбу и здоровье молодых!

У всех в руках бокалы с вином. Включают греческую музыку, и руки с бокалами взлетают вверх.

Внезапно к отцу Мери сзади подходит невысокий мужчина. Он что-то шепчет ему на ухо и беспокойно показывает на входную дверь. Меркин папа немного смущается и удив-

лѐнно кивает.

– Точно! Мерка, а где «настоящие греки»? Про них уже забыли что ли? Дядя Васо папе твоему на ушко напомнил. Вау-у-у...

– Никто не забыл, они чуть попозже придут, сказали.

– Попрошу... попрошу сделать музыку немного тише, – папа Мери старается скрыть смущение, – сейчас я предлагаю ещё раз наполнить наши бокалы и поприветствовать самих молодожёнов Илюшу и Маргариточку.

Громко заиграл знаменитый марш Мендельсона – неизменный гимн брачующимся на безграничное счастье – и в проёме распахнутой настежь входной двери, появились «новобрачные», о которых все давно забыли.

Маргариточкой оказалась полная женщина лет сорока, туго затянутая в подвенечное платье, не оставшееся равнодушным к её архитектурным излишествам, без фаты, но убранная белыми цветочками по седеющим волосам. Илюшей – мужчина гораздо моложе своей «избранницы», худой и выбрасывающий при ходьбе левую ногу вперёд, от чего тело его клонилось, было неловко, казалось, он упадёт. «Молодые» под бурное ликование присутствующих медленно прошествовали меж накрытых столов вглубь зала к своим местам.

Не выдерживаю, снова лезу к уху Мери. Хочу спросить, почему «настоящие греки» опаздывают, но спрашиваю совсем другое:

– Слушай, а ты когда-нибудь настоящий греческий язык слышала?

– Конечно!

– Как здорово! А ты... а ты его понимаешь? Он сильно отличается от нашего, понтийского греческого?

– Да почти не отличается, как русский от белорусского. Кто хочет понять – понимает.

– Мерка, а где эти...

– Да успокойся уже! – Она меня толкает плечом, – я вообще восхищена твоим терпением. Как ты раньше не спросила «а где эти»? Не переживай, ничего не изменилось, скоро их привезут.

– Сейчас, – папа Мери прямо сияет, – я предлагаю поднять бокалы за нашего тамаду! – Он очень любит вести всякие застолья, говорить тосты, но сегодня особый случай, и меня сейчас разорвёт от гордости на миллион Афродиточек, – позвольте вам представить нашего всеми любимого и уважаемого Ивана Христофоровича Лазариди, который сегодня будет хозяином торжества.

Все хлопают, и я хлопаю. Пьют за моего деду, и снова наполняют бокалы.

– Секундочку! Ещё только одну секундочку! Я кое-что скажу и передам микрофон тамаде. У меня для вас есть один и о-о-очень приятный сюрприз! Сегодня, как вы, наверное уже все знаете, мы все одна кровь, все теметерон, и между нами секретов не бывает, у нас в гостя-я-я-х... настоящие

греки из самой Греции! Вот они! – Меркин папа указывает рукой с микрофоном за столик для самых почётных гостей. Луч прожектора освещает лица «настоящих греков». Когда и откуда они ухитрились сюда войти?!

– Давайте поприветствуем их стоя!

Наконец бурные овации смолкают.

– Дорогие мои соотечественники и наши любимые гости! – Ах, это уже мой дедушка взял в руки микрофон. Такого тёплого и бархатного голоса нет ни у кого на свете. Он говорит с кавказским акцентом, и от этого его слова звучат ещё твёрже и весомей. Голос у моего деда – бархат стального цвета, – я предлагаю тост. Вот, смотрите, сейчас вы услышали, что у нас здесь в зале гости из Греции. Я знаю, как вам всем не терпится их увидеть поближе, обнять, а ещё больше услышать, как они говорят. Было время, когда некоторые наши предки остались в Греции, их язык и обычаи менялись под влиянием Европы, другие члены семей – тоже наши предки – заселяли новые земли, многие пришли на Кавказ. Но мы – греки Понда, где бы не жили и что бы не делали, всегда оберегали свои обычаи, передавая их из поколения в поколение и сохранили нашу веру навсегда. Наши деды и прадеды рождались и умирали здесь, на Кавказе, поэтому наш язык звучит как древнегреческий, на котором говорили и титаны, и сам Бог Зевс, на котором говорил Бог Аполлон. Наш многострадальный народ много раз подвергался гонениям и уничтожению, поэтому нам приходилось

замолкать и прятаться. Ещё живы те, кто был выслан в голые степи Казахстана только за то, что он – грек... Хорошо... я сейчас не об этом. Я хочу спросить, что может быть большим счастьем для человека, чем открыто говорить на родном языке?! Давайте мы сейчас выпьем за мир во всём мире и за то, чтобы в Грузии открылись греческие школы, и нам снова разрешили изучение греческого языка. А от себя лично я желаю счастья Илюше и Маргариточке и всем вашим любимым и родным, потому что вы все, собравшиеся здесь – дети Великого Понда и мои дети. Вы все здесь – теметерон!

Весь зал хлопает моему дедушке. Дедушка прижимает руку к груди, где стучит его сердце, и седая голова его в поклоне падает на грудь.

Почти никто не ест. Столько всего вкусного, и «сациви», и «пхали», и шикарное красное вино в запотевших, глиняных кувшинах. Ха-ха! Эти кувшины похожи на амфоры с обложки той книги с голыми фигурками из охры. Ну вот! Теперь заиграла «пондиака», все повскакивали с мест, и хоровод пошёл по залу. Музыканты так врезали на лире, что даже бабушка с крайнего стола, совсем не боясь, что её затопчут, пошла в круг. А в центре круга теперь... Боже! Что это в центре круга?!

Понтийский костюм с довольно широкими шароварами облегает его идеальную фигуру, заставив окружающих сделать глубокое:

– Ах!

Да, танцуют все, но его ноги в высоких сапогах из тонкой чёрной кожи почти не касаются земли, они изящны и гибки, стройны и нереально подвижны... «Настоящий грек» парит по воздуху. Как это может быть?! Я поняла: сам Бог Солнца посетил наш праздник. Тот Аполлон, про которого написано в моей книге, что он иногда спускался к людям на землю.

– Э! Ты чего?!

Мери? Откуда она здесь? Ах, да... здесь не только Мери.

– Ты тоже его видишь? – я стою посередине круга и мешаю людям танцевать.

– Кого?

– Думаю, Бога Аполлона...

– О, да-а-а... Вижу, вижу. Он там номер один, у него и своя школа танцев есть. Короче, смотри, подруга, не влюбись, а то «Бог Аполлон, Бог Аполлон» Не надо было тебе ту книжку показывать...

Поздно, теперь всё поздно. Я хочу уйти, но не могу. Ноги выросли в пол. Я вижу его взгляд и понимаю – произошла катастрофа.

Ярче разбрызганных отблесков и искр, ярче огней и ламп, сквозь зал, сквозь мир, сквозь вселенную светит огонь его зелёных глаз. Его глаза... на долю секунды, на мгновение, они влились в мои...

Спасенья нет. Всё кончено.

Меня снова затаскивают в круг. Зачем?! Его взор исчез, пропал, он танцует в другом конце зала, мир рухнул.

Кто держит меня за руки?! Мери. Чувствую её тонкие, тёплые пальцы. А это кто рядом с ней? Это Одиссей?! Водитель тех коричневых «Жигулей»? Что он тут делает?!

Они с Мери утащили меня, пристроили между собой и заставляют двигаться в такт песне. Я совсем больше не хочу танцевать. Они смеются и дёргаются, как ненормальные. Ну, всё понятно... всё с ними понятно...

Апрель только начался, но у нас всегда продают мороженое в стаканчиках, и зимой, и летом. Его продают и около станции метро, и в кинотеатрах перед началом сеанса.

Мы сидим на лавочке и едим мороженое. У меня всегда съедается быстрее, чем у Мери. Наверное, потому она красивая, а я толстая. Я хочу поговорить с ней о том танцоре из Греции, но не могу. Не могу не потому, что она будет смеяться или скажет что-нибудь противное, просто не могу. Я не могу признаться даже самой себе, что жизнь стала другой. Я перестала думать, перестала читать перед сном, ложусь, сразу выключаю свет, делаю вид Элладкиной воспитательницы, типа, надо «соблюдать режим и вовремя засыпать». Мне самой мешает свет, я сама хочу лежать в темноте, чтоб меня не было видно и думать, думать. Думать о Греции. Говорят, она очень, очень красивая – белая с голубым, как цвета её государственного флага, думать о красивых, свободных людях, не собирающих макулатуру и не запрещающих девочкам громко смеяться. Думать о том, как Он ярким сол-

нечным днём стоит на палубе под белыми-белыми парусами, в волосах его заблудился ветер и никак не может оттуда выбраться. В зелёных глазах... а в зелёных глазах его отражается весь мир.

Какое оно – Средиземное море? Красивее нашего Чёрного? Но разве бывает море красивее нашего – Эвксинос Пондос?

Мы с дедой объездили всё побережье на его «Запорожце» – очень маленькой машине с мотором в багажнике. Мы видели замечательный парк с плавучими «викториями региями» – огромными листьями, на которые можно сажать детей, с апельсиновыми зарослями, но летом они совсем не красивые, сами апельсины не спелые и их за жирной листвой не видно. А, Крым, Крым, я думаю, похож на Грецию. Может быть, я хоть когда-нибудь увижу Грецию и смогу сравнить? Во всяком случае, картинки с Грецией очень напоминают Крым. Может, это даже маленькая Греция? Может, там такие же камни, деревья, в пещерах тоже прячутся лесные нимфы? Крым... Неужели древние греки плавали торговать так далеко?

Греция – простор, свобода.

Он там, на Средиземном море, а я здесь – с макулатурой для Советской страны, с завучем по воспитательной части Лилией Шалвовой, которая номер нашего домашнего телефона знает так же твёрдо, как Гимн Советского Союза

Я никому не скажу про себя. И Мери не скажу. У неё те-

перь главное слово «Одиссей». Или поделиться этим с де-
дой? Что я ему скажу?

– Деда! Кажется, я влюбилась! – Это глупо и смешно.

Один раз я попыталась рассказать маме, как мне в школе
нравится мальчик, и до сих пор помню это фиаско. Мама
начала с простых расспросов, усложнявшихся по мере моих
прямых ответов:

– Что тебе в нём нравится? Насколько я знаю, учится он
не ахти, общественной работой не загружен.

– Мама! Он мастер спорта по гребле!

– И что?! – Мама недоумевает совершенно искренне, –
дрыгает ногами, а в голове пусто.

Я не стала рассказывать, что в гребле ногами не дрыга-
ют, но душевная беседа перетекла в грандиозный скандал
с поднятиями маминого давления, сердечными приступами
и приездами «скорой помощи». На этом разговоры с мамой,
не касающиеся напрямую школьного учебного процесса, за-
кончились.

Мерке я тоже ничего не скажу вовсе не из-за Одиссея
и не от недоверия, не хочу выглядеть смешно. Он – танцор
из Греции, я... я пока никто. Лучше мы с Мери будем есть
мороженное и придумывать планы на вечер.

Вафельный стаканчик стал мягким, мне так ещё больше
нравится. Он похож на бутон.

– Давай, на Первое Мая сразу после парада пойдём
в Муштайд кататься на паровозике! – Мерка мусолит моро-

женное и будет так мусолить ещё полчаса.

– Давай!

– Интересно, а какой в этом году будет парад? – Я шурюсь на солнце – так можно сделать себе радугу.

– Как какой?! Ну, ты смешная. Какой всегда.

– Какой всегда не получится, – качаю головой прямо как мама в учительской, – перед Домом Правительства колонны не пройдут. Деда говорит, голодающие студенты живут в палатках прямо на площади.

– Так они лежат и голодают, без оружия же, без ничего. Может, их на Первое Мая попросят полежать в другом месте, а после парада они вернуться.

– Не знаю. Знаю, деда просил меня дать ему честное слово не ходить гулять в центр. Мне нельзя его подводить.

– Дала?

– Не-а, не дала, не успела. Мама пришла и разогнала нас.

– Дорогая, это в корне меняет дело! – Мери перестала лизать мороженое, – значит, ты свободна? Мы можем туда съездить, прогуляться, посмотреть и вернуться обратно. Ладно, фиг с ним, с парадом, ты мне лучше скажи, как тебе та «свадьба»? В смысле, у тебя прошло?

– Не твоё дело! – Кажется, я краснею.

– А чьё, если не моё?! Думаешь, я не видела, как ты на него смотрела!?

– На кого смотрела?! На того танцора из Греции?! Так на него все смотрели! Уж как ты смотрела на Одиссея, мне

за тебя вообще стыдно было. Ничего, ничего, летом мы снова поедem в Орама, тогда я всей деревне расскажу.

Мери стучает меня портфелем по голове и бежит, бежит стремглав по аллее. Куда мне за ней угнаться? И ведь обе забыли – ни в какую Орама мы уже не едем.

Пора домой, дни пока короткие, скоро стемнеет. Домой всегда надо приходиться засветло, свет теперь отключают ещё чаще, и по тёмным улицам плутать – себе дороже. Не буду я искать Мери. Куда она денется?

Дома серо и холодно. Снова нет света. За столом мама шариковой ручкой с красными чернилами черкает в стопке тетрадей, проверяет школьные контрольные по русскому языку и литературе. Сашка – Сосиска прилежно сидит около мамы перед керосиновой лампой и, высунув кончик языка, старательно водит карандашом в альбоме для рисования. Очень тихо, словно город уснул раньше времени или затаился перед чем-то необычным. В воздухе висит ощущение тревоги. Я не могу объяснить это ощущение, только всё быстро меняется, всё не как всегда, оно по-другому.

Деда, наверное, пока во дворе.

– Дита, я взял твой карандаш, – Александрос не совсем уверен, правильно ли он поступил, поэтому смотрит насторожено, – ничего?

– Какой карандаш? – Что он мог взять? – Нет у меня никаких запретных карандашей. Только, Сосиска, в следующий раз сперва спрашивай, потом бери, договорились?

– Договорились, – смешной он всё-таки, очень любит корчить взрослого. Или на самом деле понимает больше, чем в его возрасте положено?

– Эта, как её... эту соседку снизу... эта Манана принесла тебе в подарок карандаш для глаз, она так сказала, и помаду. Не знаю, что за манера красится? – Мама, не поднимая головы от тетради, смешно морщит лицо, – ты такая красивая девочка, а вот на «свадьбе» ты выглядела просто вульгарно. Как дворовая девка. Самая настоящая дворовая девка. Я уж не стала тебе говорить, чтоб праздник не портить.

Пропускаю «дворовую девку» мимо ушей, и говорю первое, пришедшее на ум:

– Так можно мне к ней спуститься и спасибо сказать? Краситься я не буду, но если не поблагодарить – некрасиво как-то получается, правда, мама?

– Вот сядь за стол передо мной, – мама вытягивает ещё один стул из под стола, – сейчас разберём твоё сочинение, а там видно будет. Ну, вот: что здесь у тебя написано? «Тема зарубежного мира, критика эмиграции приводила Алексея Толстого к использованию всё более резких, обличительных красок, толкая писателя к сатирической манере письма». Очень верно подмечено! Давай, давай дальше.

Как часто я завидую своим одноклассницам, да и соседкам, у которых родители не «учителя, которых все в городе знают», а простые люди. Особенно я завидую переехавшим

к нам во двор из деревни. К ним постоянно приезжают родственники, привозят вино, чурчхелы, живых кур с лапами, перетянутыми ситцевыми тряпочками. Куры с обезумевшим взглядом висят, прицепленные к их пальцам вниз головой, клювы их открыты, и они очень хотят пить. Родственники у соседей живут месяцами. Когда на улице хорошая погода, они сидят во дворе за столом вместе с другими соседями, разговаривают, рассказывают всякие истории, потом во двор выносят вино, белый сыр, хлеб, цицмаду и сидят до самого позднего вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.